

Илья Немцов

ГОНЧАР ИЗ МОДИИНА

историческая трилогия

роман второй

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Гончар из Модина

Илья Немцов
Возвращение

«Книга-Сэфер»

2013

Немцов И.

Возвращение / И. Немцов — «Книга-Сэфер», 2013 — (Гончар из Модиина)

События, развернувшиеся после гибели Эльзара, с новой силой показали, что прошлое не исчезает в стремительном беге времени. Независимо от нас, оно властно врывается в нашу сегодняшнюю действительность. Без знания и понимания прошлого наше будущее представляется мне туманной и тревожной неопределенностью.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Илья Немцов (Нимиц) Возвращение (Шифра)

Иliya NEMTSOV (NIMITS). RETURN TO ROOTS
TEL-AVIV, 2013

© Copyright © Iliya Nemtsov
All Rights reserved by the Author.
DR. ILIYA NEMTSOV
1-8 Emek Dotan Str. 71701 Modiin. Israel

(вторая книга трилогии "Гончар из Модиина".)

События, развернувшиеся после гибели Эльзара, с новой силой показали, что прошлое не исчезает в стремительном беге времени. Независимо от нас, оно властно врывается в нашу сегодняшнюю действительность.

Без знания и понимания прошлого наше будущее представляется мне туманной и тревожной неопределенностью.

И.Немцов

Предисловие

" И сходитья будет у вас молотьба со сбором винограда, а сбор винограда сходитья будет с севом и будешь есть хлеб свой досыта, и будешь жить спокойно в стране вашей."
(26:5,6) Книга "Ваикра", Раздел "Бехукотай".

... Наступил 3594 год со дня сотворения мира.

К этому времени великая империя Александра Македонского уже не существовала. Она распалась на несколько царств во главе с соперничавшими между собой диадохами — преемниками императора.

Птолемей утвердился в Александрии, став царем греческого Египта. Селевк, представитель второй по значимости македонской династии, захватил Месопотамию, Вавилонию, Сирию, а с 200 г. до н. э. Палестину, положив начало империи Селевкидов.

Каждый из лоскутных властелинов некогда Великой империи пытался объединить под своим господством остальных.

Много лет продолжались непрерывные войны. Прибрежные страны Великого моря — Египет, Иудея, Финикия, Сирия, Киликия не раз обагрялись кровью морских и сухопутных сражений и не было им конца.

Особый интерес царского двора Селевкидов вызывала Иудея. Политическая автономия и религиозная независимость, дарованные стране еще Александром, не устраивали Антиоха IV Эпифана.

И хотя Иудея исправно выплачивала навязанные ей огромные налоги, отчисляла в Царскую казну многие тысячи талантов серебром и золотом, выставляла значительное количество рекрутов для Армии Антиоха, недовольство со стороны Двора росло.

Слишком медленно шла эллинизация населения Иудеи, особенно ремесленников и земледельцев, а они были подавляющим большинством. Между этим большинством и зажиточной иудейской верхушкой, принявшей эллинизм, возникали опасные трения, приводившие к убийству перебежчиков. К тому же погибавшим нередко принадлежало право изымать налоги в пользу царской казны. Их гибель ставила под угрозу безраздельное господство Антиоха IV над Иудеей, богатейшей гипархией Селевкидской империи.

Корень зла всех неприятностей в Иудее Антиох видел в упрямой несговорчивости её жителей. В нежелании принять эллинизм, в фанатичной привязанности к обычаям и традициям своих отцов, к единому грозному и невидимому Богу.

Пристальное внимание Антиоха к происходящему в Иудее превратилось в энергичные действия после неудачного похода против Птоломеевского Египта. Имперская казна оказалась опустошенной. Понадобились огромные денежные вливания.

Иерусалимский Храм обладал значительными богатствами. Здесь хранились не только ценности, принадлежащие самому Храму, но и сбережения жителей города, уверенных в сохранности своего имущества. И Антиох приказал начать пополнение царской казны именно с ограбления Храма.

Одновременно с этим, он резко взвинтил поземельный налог, увеличил подушную подать, ввел "соляной налог", и так называемый "сбор на венец". Катастрофически выросли таможенные пошлины.

Постепенно нарастало иудейское сопротивление и, чтобы покончить с этим раз и навсегда, Антиох посчитал, что пришло время ускорить начатый Александром Македонским процесс эллинизации Иудеи. И не методом пряника и всяческих поощрений, но ударами палки и меча.

Если они не хотят быть как все прочие народы Империи, не хотят принять эллинизм, то он, Антиох IV Эпифан, их заставит!

Был введен запрет на соблюдение важнейших для иудеев религиозных обычаев. Смертью карались те, кто совершал торжественный акт брит-мила — символ вступления новорожденного в Союз с Всевышним.

Соблюдавших субботу — день священный для иудеев, наемники Антиоха забивали до смерти. Тяжелые телесные наказания обрушивались и на тех, кто изучал Тору, а само Священное писание сжигалось на кострах в присутствии жителей, согнанных к этим кострам.

Последней соломинкой, сломавшей спину верблюда, было решение Антиоха об обязательной установке греческих идов в каждом селении, в каждом иудейском дворе, и принесении в жертву новым богам свиней — животных, считающихся нечистыми, согласно еврейским верованиям.

Именно в этот момент, когда гипарх Иудеи Апеллес попытался силой оружия заставить всеми уважаемого коэна Матитьягу Хасмонея принести в его собственном дворе подобную жертву, произошла первая кровавая стычка между отрядом греко-сирийских наемников, возглавляемых самим Апеллесом, и жителями Модиина. Эта схватка положила начало мощному народному восстанию, приведшему, к созданию независимого Иудейского государства.

В этой схватке погиб один из первых маккавеев — Эльзар бен Рехавам — гончар из Модиина. Да будет память о нем благословенна!

Спасаясь от неминуемой гибели, жители Модиина оставили горящее селение. Способные воевать ушли к Иегуде Маккавею, собиравшему силы для сражения с оккупантами. Но большинство населения укрылось в каменистых ущельях Иудейских гор.

Отряд Шауля покидал Модиин последним. Он возвращался домой, к берегам Колхиды в далекую Эфирику.

Пережившая тяжелую утрату, Эста, так и не выйдя замуж, оказалась вдовой. Она несла в себе продолжение жизни незабвенного Эльзара.

После настойчивых просьб Эсты и Шауля к ним присоединилась Шифра, она понимала, что понадобится подруге. Её больше ничего не удерживало в родном селении.

На рассвете, с первыми лучами летнего солнца отряд Шауля, окутанный дымом горящих полей, двинулся по узким тропам к недавно проложенной дороге на Аскалон.

Глава 1

Дорога к Аскалону

Отряд Шауля торопливо продвигался по переулкам Модиина. После схватки с отрядом Апеллеса и полного истребления этого отряда ждать милости от греко-сирийских властей не приходилось.

И, хорошо понимая это, жители селения оставляли свои дома. Вспыхнули пожары, горела солома, заготовленная для скота, пылали шумры, деревянные курятники, крыши над загонами овец и коз. Колодцы были завалены камнями и умело прикрыты травой.

Шауль стремился как можно скорее вывести отряд на новую дорогу, ведущую к Аскалону. Дорога была широкой и хорошо утрамбованной. Здесь могли свободно двигаться два ряда боевых колесниц, запряженных парами лошадей.

С болью в душе Шауль поглядывал на безучастную Шифру. Еще в первый столь радостный приезд, она и Эльзар, многое рассказали ему об этой дороге. При её настиле использовался местный обожженный и раздробленный камень. Этот камень, обильно политый водой, превращался в прочное и гладкое покрытие. Однако ядовитые испарения, выделяющиеся после полива, жара и беспощадное солнце быстро убивали строителей, но это мало заботило царского наместника. По его приказу сирийские наемники пригоняли все новые и новые партии варваров-иудеев.

Апеллеса беспокоило иное: намеченные царем сроки завершения строительства дороги могли быть сорваны все теми же иудеями. Они отказывались работать в субботние дни. Даже если их волокли силой к месту работы, они как упрямейшие из ослов, оставались безучастными. Немалое число из них Апеллес велел казнить, а их кровью, вместо воды, поливать раздробленные камни, но и это не помогало. Приходилось пригонять новых.

Апеллес очень торопился. По сведениям, полученным от знакомых высших офицеров, сам царь Антиох Эпифан намерен возглавить большую карательную экспедицию в Иудею, чтобы пресечь смуту в столь важной гипархии.

По планам Антиоха, Иудея была обязана в значительной степени пополнить царскую казну, опустошенную неудавшейся военной кампанией против Египта Птолемея.

Дорога была построена в намеченный срок, однако ирония судьбы сыграла злую шутку с наместником Иудеи. Апеллеса уже не было в живых, а дорога оказалась спасением для большой группы иудеев, стремительно двигавшейся к аскалонскому порту.

Шауль понимал, что преодолеть расстояние до Аскалона необходимо как можно быстрее, чтобы упредить высадку войск, высланных Антиохом.

Белесое марево застилало горизонт. Полуденное солнце, подобно гигантскому шару разъяренных пчел, беспощадно жалило изнемогавших людей, терзало раненых. Пересохшая земля, зиявшая глубокими трещинами, оцетинилась побуревшей травой. Среди этой травы грозно возвышались серебристые стебли колючих барканов. Их верхушки дымились невесомыми семенами.

Питьевая вода была на исходе. Изредка попадались ручьи. К ним тут же тянулись животные, торопились люди, но, раздвинув зеленую поросль, с разочарованием обнаруживали твердую, чуть влажную землю.

Это безводье забирало последние силы у изможденных воинов.

Выносливее всех оказались женщины. По ходу движения отряда, они подносили по глотку воды крайне обессиленным, подносили мужчинам чуть влажные финиковые плоды.

При виде тяжелых страданий раненых, Шифра пришла в себя, проснулся её природный зов врачевания. Она очнулась от оцепенения, вызванного гибелью брата. Прикладывала охлаждающие компрессы больным, ухитрялась на ходу менять перевязки, срезала, попадавшие на обочинах, верхушки чабреца, шалфея, мяты или базилика и тут же пускала их в дело, подмешивая к питьевой воде или к разбавленному вину.

Рядом с ней постоянно находилась Эста, хотя её ограничивал явно округлившийся живот. Подруги ни на секунду не отрывались друг от друга и со стороны было видно обостренное внимание Шифры к положению Эсты. Она незаметно принимала на себя все тяготы, которые считала опасными для состояния подруги.

Глядя на них, Шауль понемногу успокаивался. Дружба женщин, их трогательная забота об ослабевших воинах и друг о друге, возвратили ему столь необходимую уверенность.

Эти две красивейшие из женщин служили образцом, как надо вести себя в трудных условиях. Он безмерно гордился сестрой, а Шифра вызывала у него неизвестное ранее благоговение. Она сама, не зная того, овладела его сердцем, заполнила душу неистребимой надеждой. Он с удивлением смотрел на окружающих и не мог понять, как, дожив почти до тридцати лет, он мог не знать, что на земле существует она — самая прекрасная из женщин.

Его воины, друзья, родственники, поглядывая на него, удивлялись, что произошло с их другом и командиром. Лицо его преобразилось, просветлело, в глазах светилась надежда и столь знакомая им спокойная уверенность. К тому же храброе поведение красавиц Эсты и Шифры заставляли мужчин отряда выпрямить плечи и выглядеть настоящими героями.

Улыбался и тяжело раненый юноша — двоюродный брат Шауля. Иосифу не повезло, стрела сирийского наёмника прошла кожаный панцирь и вонзилась глубоко в плечо, чуть выше сердца. И сейчас, терпя тяжелую боль, он тоже попытался приподняться с носилок, улыбнуться женщинам, но не успел. Умер, так и не погасив на лице удивленной улыбки.

Подъехавший к нему Шауль ничего не сказал, разом помрачнел. Нежным движением прикрыл глаза юноше. Сбросил с плеча накидку, тщательно прикрыл лицо скончавшегося, концы накидки прикрепил к ручкам носилок. Ускорил и так предельно быстрое движение.

По дороге Шауль несколько раз наткнулся на вражеских лазутчиков, но не мог определить, кто их выслал. Те избегали вступать в схватку с компактным отрядом Шауля, хотя и видели, что среди воинов много раненых.

Шауль казался спокойным, хотя Эста, хорошо знавшая брата, видела, что он предельно напряжен. И это напряжение передавалось ей и воинам отряда. Она это определяла, по множеству известных ей признаков, так, например, все кто был способен сражаться, держал щит у левого плеча, в то время как длинные мечи перекочевали с пояса за спину и были готовы к бою в любую минуту.

Стоило возникнуть опасности, как всадник пригибался, и в тот же миг из-за спины извлекалось грозное оружие, чтобы тут же обрушить на голову врага.

Шауль предпринял и другие необходимые меры. Он построил движение отряда таким образом, чтобы внутри всегда находились женщины и раненые. Все же, кто мог участвовать в схватке с врагом, создали защитную стену вокруг этого центра.

Время от времени Шауль направлял по два-три всадника для проверки дороги. Они-то и обнаружили, что группа лазутчиков, человек пять или шесть, вела себя несколько иначе, чем обычные соглядатаи. И когда он совместно со своими воинами незаметно приблизился к этой группе, то по их разговорам понял, что это шайка обычных дорожных грабителей.

Обнаружив богатую добычу, они ждали подкрепления от своих же единомышленников, чтобы напасть и наверняка осуществить задуманное. Это была реальная опасность. И не дожидаясь увеличения шакальей стаи, Шауль принял молниеносное решение — тотчас же атаковать грабителей. С ним были слуга и двоюродные братья — Шломо и Натанель. Они без слов

поняли командира, и в ту же секунду вся четверка с громким криком обрушилась на банду грабителей. Уйти удалось лишь одному.

Возвратившись, Шауль ни на секунду не убавил скорость движения отряда. Он решил как можно быстрее выбраться из Аскалона, упредив прибытие в порт греко-сирийского флота.

Шауль еще не знал, что Антиох не собирался направлять в Иудею войска из Антиохии.

Получив информацию об иудейских мятежниках, он поручил наместнику Самарии генералу Аполлонию уничтожить мятежников и очистить дорогу на Иерусалим.

В Иерусалиме же господствовали верные царю люди, принявшие эллинскую веру. Но Шауль ничего этого не знал и был крайне удивлен тишиной и безлюдьем в аскалонском порту.

На исходе второго дня непрерывного движения показались окраины Аскалона. Здесь по-прежнему жило много филистимлян. Они с безразличием встретили прибывший отряд. Мало ли кто появлялся в этих краях. Однако присутствие селевкидских войск нигде не ощущалось.

В этом порту Шауль был вторично. Он вновь увидел корабельные верфи, где стоял готовый к спуску военный корабль — греческая триера.

У причалов скопилось не менее десятка судов различного типа и величины. Здесь было немало галер. Наконец он увидел яйцевидный корабль средних размеров, который показался ему подходящим для его группы. Ход корабля обеспечивался двадцатью парами гребцов. Но главное, что обрадовало Шауля, был особый морской флаг, чуть колышущийся на ветру.

Этот флаг, был хорошо известен Шаулю, он принадлежал могущественному торговому морскому союзу, насчитывающему многие десятки лет существования. Корабли этого союза пользовались поддержкой всех без исключения морских держав — от Афин, Персии и Египта до Ликии, Финикии и Антиохии.

Если ему удастся зафрахтовать этот корабль, то дело будет сделано. Он сходу направился к кораблю. Еще раз взглянул на флаг — прочитал "*Биркат— Эль*". И рядом порядковый номер корабля 7.

— Ну что же, мысленно произнес он: "*Божественное благословение*" нам нужно сейчас как никогда. Ведь этот корабль, находясь под прикрытием великих морских держав, был, по сути дела неприкосновенен, то есть именно то, что было крайне необходимо Шаулю.

Пройдя через бесконечные ряды мастерских, лавок, портовых складов и всевозможных сооружений, Шауль и сопровождавшие его Шломо и Натанель, поднялись на палубу заинтересовавшего их корабля.

Скучавший капитан явно обрадовался возможным пассажиром. В столь беспокойное время многие предпочитали отсиживаться дома. Даже бывалые купцы и те куда-то исчезли. Никто не хотел рисковать жизнью или состоянием. А риск действительно был велик.

Отвлеченные военными действиями прибрежные государства, и даже те что входили в международную лигу "*Биркат— Эль*" перестали уделять внимание усилению своих флотилий, что развязало руки пиратам, расплодившимся как вши. Покидая свои логова у извилистых берегов Родоса и Кипра, они грабили бороздившие море корабли, уводили их в свои гавани. Нередко пассажиров сбрасывали в воду или превращали в рабов и продавали. Подобная участь могла постигнуть и "*Биркат— Эль-7*". Держать же на торговых кораблях сильные военные отряды было нелегко из-за тяжелой конкуренции. Стоило укомплектовать такой отряд, как тут же появлялись царские чиновники, нанимающие в армию опытных воинов, и их денежные предложения всегда были столь выгодны, что воины тотчас же покидали корабль.

Капитан корабля "*Биркат— Эль -7* ", на борт которого поднялись Шауль и его спутники, был в роскошной финикийской тунике, выглядел добродушным, даже наивным человеком, но от Шауля не ускользнул его быстрый взгляд, оценивший неожиданно появившихся пассажиров. Видимо его оценка была в их пользу, так как, выслушав просьбу Шауля, он тут же велел морякам и рабам вспомогательной команды обеспечить погрузку гостей на корабль.

Неожиданная заминка произошла лишь, когда капитан увидел завернутое в черное покрывало тело погибшего Иосифа. Капитан проявил неожиданную жесткость и категорически отказался брать умершего на борт. Он был суеверен и убежден, что мертвый на корабле приносит несчастье. Но затем смягчился и примирительно сказал:

— Мы можем похоронить его в глубоких водах моря, и поверь мне, уважаемый, это будут достойные похороны.

— Ни в коем случае! — с такой же жесткостью возразил Шауль, — это не соответствует нашим обычаям. Он будет похоронен там, где похоронены его предки!

— Пойми и меня, — возразил капитан, — если таможенники в любом порту обнаружат на корабле мертвого, то не избежать расследования, а это, кроме задержки корабля, что ведет к потере больших денег, может привести и к более серьезным последствиям.

— Каким? — серьезно спросил Шауль.

— Таможенная служба стран корабельного союза "Биркат— Эль", очень боится распространения эпидемии чумы, а кто знает что привело усопшего к печальной кончине? — и капитан, будучи уверен в неотразимости своей аргументации, покорно склонил голову. Он ждал и Шауль понял, чего ждал капитан.

Они зашли в капитанскую каюту о чем-то поговорили, затем опустились в трюм корабля. Некоторое время петляли по небольшим, отсекам, увешанным койками. Здесь было душно, чувствовался сильный запах пота, наконец, пройдя еще несколько складских помещений, капитан остановился у сужившегося пространства трюма, вытащил из личной табакерки ключ, сунул в стену корабля и открыл длинную потаенную крышку.

— Пусть твои надежные люди положат сюда усопшего, здесь достаточно асфальта, чтобы прикрыть тело и довести до места, где усопший найдет свой последний причал.

Вместо ответа Шауль протянул капитану увесистый кошелек золотых дарейков. И тот, спрятав деньги под полу туники, произнес с удовлетворением: — Я знал, что с иудеями можно спокойно вести дело.

Шауль поднялся наверх и велел Шломо и Натанелю последовать за ним с телом Иосифа. За процессией внимательно, хотя и незаметно, следил капитан.

В это самое время на борт корабля перенесли раненых, их разместили в пассажирских каютах при этом моряки корабля, воины и слуги Шауля с большим рвением выполняли все распоряжения, которые давали им Эста и Шифра.

Ранним утром, в десятый день месяца кислев 3594 г. от сотворения мира корабль " Биркат— Эль-7 " вышел в открытое море.

За кормой остались тусклые смоляные факелы тревожных причалов Аскалона.

Глава 2

Столкновение кораблей

Шауль внимательно наблюдал за движением корабля. Он немало времени проводил в подобных плаваниях, переправляя породистых лошадей, взращенных на отцовской ферме. Знал каждую из этих лошадей по кличке, её характер и привычки. И, передавая лошадь новому хозяину, сообщал ему все, что знал о животном, просил беречь.

Шауль каждый раз подавлял в себе грусть расставания и неосознанное ощущение вины.

Это же чувство с новой силой вспыхнуло в его душе, когда он был вынужден, перед посадкой на корабль, продать в порту Аскалона всех лошадей, прошедших с ним долгий путь от родного селения Ахава до загадочного Модиина. Многие из лошадей несли на себе отметины вражеских стрел и мечей.

Он прервал грустные воспоминания, когда неожиданно увидел, что капитан корабля Посидоний, развернул корабль параллельно берегу. Некоторое время "Семерка" удалялась от могучих трирем, расположившихся ровной линией вдоль аскалонского побережья. Эти корабли, расслоенные тремя ярусами множества весел, выглядели безжизненно и угрюмо. На флагштоках не было опознавательных знаков.

Шауль видел, что Посидоний предельно напряжен. Стремится скорее отдалиться от грозных чудовищ. Отсутствие опознавательных флагов на кораблях вызывало подозрение — не захвачены ли корабли пиратами. В этом мире бесконечных войн, заговоров и смены правителей, пиратство приобрело неограниченное могущество.

Но эти корабли могли быть и засадой для захвата аскалонского порта в случае, если какой-либо правитель решится высадиться на земле Иудеи. Каждый такой корабль мог укрыть не менее пятисот хорошо вооруженных воинов.

— Разве мы направляемся к Геллеспону не кратчайшим путем мимо острова Крит? — настороженно спросил Шауль, положив руку на рулевые рычаги.

Капитан ничего не ответил. Окликнул своего помощника Дионисия, передал ему штурвал и велел вести корабль вдоль побережья.

— Курс тебе ясен, Дионисий? — неожиданно громко спросил капитан.

— Ясен, капитан! — последовал краткий ответ, и помощник приник к рулевому управлению судна.

Затем Посидоний кивком головы пригласил Шауля в свою каюту.

— Теперь, когда мы вышли в море и избавились от всех земных тревог, — улыбнулся Посидоний, — можно спокойно поговорить о тревогах морских. На суше я не хотел этого делать. В порту всегда много всякого сброда, связанного с морскими разбойниками. Узнают точный курс корабля и посылают своим собратям по темным делам. Тогда горе неизбежно. Морские разбойники безжалостны и бесстрашны, хотя и вешают их десятками на корабельных реях. И поделом.

— Плывая же по прямой к Геллеспону, как того желает мой уважаемый гость — продолжал Посидоний, — значит пройти вблизи острова Крит, то есть оказаться рядом с ядовитым гнездом пиратов. А для разбойников никакие конвенции, даже древнейшие из них, такие как международная конвенция заключенная с синдикатом "Биркат—Эль" им не закон Впрочем... , они сами вне всякого закона! — сердито закончил капитан.

Одним из многочисленных ключей, висевших на его поясе, Посидоний открыл дверцы небольшого шкафчика, встроенного в двустенный борт корабля. Вытащил роскошную амфору с тягучим темным напитком. Налил по небольшой серебряной чаше.

Шауль с неподдельным интересом посмотрел на содержимое своей чаши и глубоко вдохнул аромат, источаемый напитком.

— Я вижу, ты знаешь толк в хороших винах, — одобрительно сказал Посидоний.

— Это вино из Эфирики, точнее из окрестностей селения Ахава, — задумчиво сказал Шауль. Это селение моего деда.

— Вот как! — с удивлением и с явной радостью воскликнул Посидоний. — Я уже потерял надежду найти землю, где делают подобное вино! Теперь я твой вечный должник, — не умолкал капитан. — Ты зафрахтовал не только мой корабль, но и моё сердце. Я догадывался, что это прекрасное вино из благословенной Эфирики, — продолжал Посидоний, — но не знал, что оно из селения Ахава. У меня масса заказчиков на такое вино! И если мы договоримся, я озолочу твоего деда, а ты получишь неплохие комиссионные!

— Хорошо, — по-деловому ответил Шауль, — в обратный рейс ты поедешь с трюмами, заполненными этим благороднейшим из напитков..

— Пока же хотелось бы поскорее добраться домой... На борту женщины и раненые.

— Понимаю, — сочувствующе сказал Посидоний. Затем оба вышли на палубу. Долго смотрели на набегавшие волны. Молчали. К ним подошел Натанель.

— Великое Море гостеприимно, — нарушил молчание Посидоний, — оно омывает берега множества стран, и не только торговые корабли, вроде моего, бороздят его бесконечные воды. Иногда горизонт затмевают огромные военные флотилии армий Птолемеев или Селевкидов, а в последние годы и Рима. Плавают и нескончаемые караваны финикийцев, везущих знаменитый ливанский кедр.

Но и с ними лучше не встречаться, — поучающе произнес Посидоний. — Сами моряки военных судов бывают нечисты на руку. Для охраны лесовозов нередко нанимают все тех же пиратов из Крита. Они же нередко совмещают охрану лесовозов с попутным грабежом легких кораблей, вроде нашего "золотого яйца".

Именно поэтому я выбрал более далёкий, но более безопасный путь, и да простит меня зафрахтовавший хозяин, — еще раз извинился Посидоний, на этот раз обратившись к могучему и мрачному юноше Натанелю.

— Впрочем, мы оба уже выиграли, — протянул руку Шаулю Посидоний, — заключенная винная сделка, принесет нам хорошую прибыль! Шауль кивнул.

Затем Посидоний вновь пригласил Шауля и Натанеля в свою каюту, — и продолжил, — молодые люди, вы вызвали у меня полное доверие, — сказал он, — и я покажу вам карту, которую, по законам синдиката "Биркат — Эль" имеют право видеть только капитан и его помощник.

Он вновь зазвенел ключами и открыл дверцу ящика, скрытого под прикованным к полу столом. Вытащил несколько плотно сшитых папирусов, на которых была подробная карта Средиземного Моря.

— Мы пойдем вдоль берегов Иудеи к Иоппе, там сделаем небольшую остановку для пополнения запасов, муки сушеных фруктов, сыра, пресной воды и двинемся параллельно финикийскому побережью до Триполи. — И он провел пальцем по ранее прочерченной линии, — затем по направлению к Кипру, пересечем море, — продолжал Посидоний, — от него к следующему дружескому причалу на острове Родос и, таким путем, обойдя гнездовье разбойников — Крит, будем перемещаться к Лесбосу.

— А от Лесбоса, — с некоторым нетерпением прервал капитана Натанель, — к Геллеспонту и далее к Понту Эвксинскому.

— Ты прав, юноша, — улыбнулся Посидоний, — теперь вы знаете путь наших кораблей, тайну корпорации, за которую пираты дали бы солидную сумму золотых дарейков, а я бы навечно лишился своей работы, а вместе с тем и головы.

Шауль увидел, что при этих словах лицо Посидония покрылось потом. " Не сболтнул ли он лишнего?!" И Шауль понял, что всё, что сказал этот человек — правда и на душе стало легко. Неблизкий путь, отмеченный на карте, был действительно самый безопасный.

Посидоний же замолк. Извлек из кармана небольшой алебастр с ароматическим маслом. Провел пробкой вдоль висков. В каюте запахло лавандой. Затем улыбнулся и виновато сказал, — люблю это растение, оно успокаивает, помогает при переутомлении.

Мерно скрипели весла, море было по-прежнему гладким, то и дело появлялись стаи играющих дельфинов. Шауль расслабился. Опустился на палубу, загруженную имуществом его отряда. Здесь же лежали раненые. Вскоре его взгляд устремился к Эсте и Шифре. Они сидели рядом и о чем-то тихо беседовали. Их осунувшиеся лица свидетельствовали, что переход из Модиина до Аскалона дался им нелегко.

Через день, пройдя Экдипу (Ахзив), их корабль подошел к Суру (Тиру). Встал на якорь. Вдали виднелись горные цепи Ливана. Заходящее солнце щедро золотило густую зелень кедров, покрывавших склоны гор.

В порту Сура стояло множество кораблей. Некоторые из них были загружены стволами кедров. Посидоний ожидал лоцмана, который должен был провести корабль в порт и указать место стоянки.

Видя с каким неподдельным интересом кузен Шауля Натанель рассматривает корабли, Посидоний решил объяснять юноше, раскрывшуюся перед ними картину.

— Видишь там, вдоль высоких причалов стоят военные корабли — это знаменитые финикийские *триремы*. Когда-то триремы имели два ряда весел, были подвижны и маневренны, но персам показалось этого мало, и они увеличили число весельных рядов до четырех. Однако усиление кораблей увеличило их тяжесть и резко снизило маневренность, и от этой идеи пришлось отказаться.

Когда-то у карфагенян, — с увлечением продолжал рассказывать Посидоний, — были даже пятирядные галеры. Они развивали большую скорость, и тем самым усиливали удар медного тарана в борт вражеского корабля. Быть может, именно поэтому четырех и пяти рядные галеры были выбраны флотоводцами греков, как более эффективные, чем тяжелые триремы. Конечно, триремы еще сохранились во флоте Эллады, но не они были главной силой.

Натанель внимательно слушал и Посидоний продолжал:

— А знаешь ли ты, могучий юноша, что эти тяжелые и малоподвижные триремы очень опасны для врага? — Чувствовалось, что он оседлал своего любимого конька, и с увлечением продолжал, — командир такого корабля, знающий толк в хорошем морском маневре, не обязательно должен проткнуть своим тараном вражеское судно. Он может неожиданно пройти вблизи борта вражеского корабля и сломать лопасти всех его вёсел. И тогда, как ты понимаешь, неподвижный корабль станет легкой добычей.

И все же самое опасное оружие триремы — это тяжелый медный таран, заостренный впереди, — заключил Посидоний, — этот таран способен насквозь проломать любой вражеский корабль.

— Видишь! — неожиданно воскликнул Посидоний, — откатившаяся прибрежная волна обнажила во всем своем великолепии это грозное оружие!

Потом он надолго замолк. Смотрел в сторону порта, — и, как бы про себя, заметил: — Вдоль всего побережья Финикии нет более удобной бухты, чем в Суре. Город тонет в богатстве. Суди хотя бы по бесконечным рядам складов и они всегда полны — это я тебе говорю! — не скрывая зависти, закончил Посидоний.

Затем он вновь обратился к Шаулю, желая и его вовлечь в беседу: — Вдали видны финикийские триремы. Их можно отличить от греческих по шлемам на головах воинов. Греческие

шлемы сделаны из меди и железа. И круглые щиты вдоль бортов тоже железные! Латы же, защищающие грудь и спину, — из толстой бычьей кожи.

— А знаешь ли ты, капитан Посидоний, — неожиданно улыбнулся Шауль, — что эти шлемы, щиты и даже мечи — сделаны руками кузнецов Эфирики? Да и кожаные доспехи из наших же краев.

Посидоний с удивлением посмотрел на Шауля. Не шутит ли тот? Но, увидев серьезное лицо собеседника, искренне поверил. — Мне ни разу не довелось быть в тех благословенных краях, хотя они и прилегают к берегам Потна, — чуть виновато заметил Посидоний, — но я там побываю, ведь мы заключили сделку? Не так ли? Возможно, и мои клиенты пожелают закупить в Эфирике это, всегда требуемое оснащение.

— Включим и это в нашу сделку, — согласился Шауль, про себя же отметил, цепкую предприимчивость старого финикийца. Этот знал цену слову.

Затем долго слушал рассказы бывалого моряка. А тот не умолкал.

— Сур находится на двух крупнейших островах вблизи материка, — объяснил он, — эти острова соединены дамбой, построенной давно, — и, многозначительно добавил, — самим Александром Великим.

Сур также знаменит своими корабельщиками, рулевыми, специалистами по заделке пробоин и хорошими моряками. Однако, нанимая людей на корабль, нужно быть очень внимательным. Иначе на своем собственном корабле окажешься среди пиратов.

К рассказу капитана невольно прислушивались Эста и Шифра. Они непрерывно находились у раненых, размещенных здесь же, на палубе. Их помощь была для многих спасением.

Эта работа, опасные неожиданности дороги и новые впечатления отвлекли женщин от недавно пережитой трагедии, смягчали боль.

В тихой прибрежной воде отражались крепостные стены, повторяющие изгибы береговой линии. Во многих местах были видны широкие лестницы, мосты и сложные системы колес и блоков, поднимающие эти сооружения.

В Суре, как и во всех прибрежных городах, дома были построены из грубого камня, в то время как богатые дворцы тускло отсвечивали подобным же камнем, но тщательно отесанным.

Глядя на город, Шифра впервые увидела дома в шесть этажей. Не поверила своим глазам, и все время пыталась сосчитать этажи.

Однако большинство домов были привычными небольшими, они стояли у самого берега. Около этих домов сушились рыболовные сети.

— Когда-то я делала такие сети, — с дрожью в голосе сказала Эста. — Это было страшное время рабства. Но потом был рядом со мной находился Эльзар... — И слезы застыли в её широко раскрытых глазах.

— Видишь, там, вдали, находятся дома красильщиков тканей, — стараясь отвлечь подругу от тяжелых мыслей, оживилась Шифра, — Я видела такие дома в Лахише, когда гостила у сестры Хавы. Её муж был красильщиком тканей. — Тут она замолкла, охваченная своими не менее тяжелыми воспоминаниями. — Ведь именно в то время от рук разбойников погибли мать, отец и невеста Эльзара — Ривка.

С берега потянул слабый ветерок, он донес до пассажиров "Семерки" густой пьянящий запах копченой рыбы. Ожерелья этой рыбы были подвешены на длинных пеньковых канатах вдоль, многочисленных рыбацких дворов. Рыбу вывозили из множества коптилен, размещенных вдоль всего побережья Сура. Её грузили в большие мешки из грубого холста и тут же навьючивали на лошадей, ослов и мулов.

Закупив все необходимое и отдохнув ночью у причалов Сура, корабль Посидония покинул гавань задолго до восхода солнца. Море подобно отполированному бронзовому зеркалу, отражало голубизну посветлевшего неба. Мерно скрипели вёсла, нарушая предутреннюю тишину. Изредка корабль проходил зону туманов, и это явно тревожило Посидония. Он непрерывно перекликался с впередсмотрящим матросом, примостившимся на высокой мачте.

Пройдя мимо Библа и Триполи, Посидоний решил обогнуть Кипр не как обычно с западной стороны, но с Востока. Здесь, у берегов Киликии, еще было сильным греческое влияние, и пираты побаивались напороться на сторожевые греческие корабли.

"Семерка" спокойно рассекала тихую морскую гладь. Её по-прежнему сопровождало полное безветрие. Но именно это безветрие вызвали тревогу опытного моряка. — Такую тишину обычно сопровождают густые туманы. А на Великом Море, где плавают тысячи кораблей, особенно в период войн, угроза столкновения вырастает во много раз.

Теперь, главное — проскочить до Кипра, пока не накатили туманы и слушать во все уши, чтобы не прозевать сигналы встречных кораблей и Посидоний непрерывно тормозил впередсмотрящего.

И действительно, предчувствия и опыт старого моряка не подвели. Вскоре над водой проплыли первые длинные косы тумана. Затем эти косы распушились, начали плотнеть и вскоре горизонт и небо превратились в сплошную белую массу. А стоящий где-то на высокой мачте матрос, непрерывно кричал, что плывет, как ангел над молочным морем и кроме тумана ничего не видит, даже палубу собственного корабля.

— Держи открытыми уши и глаза! — изо всех сил кричал в раковину рупора Посидоний, — хотя хорошо знал, что в густом тумане голоса не слышны.

Вскоре и сам Посидоний уже не мог слышать, что докладывал впередсмотрящий матрос.

— Идалий! Смотри в оба!!! Держи уши открытыми!!!

В ответ доносились лишь глухие, падающие с неба звуки: — Ничего не вижу! Кажется, звучит колоко— о-о-о-л!..

— Колок-о-о-ол?! — переспрашивал Посидоний, — но вместо ответа раздался сильный треск и невероятной силы толчок потряс "Семерку". Идалий камнем свалился на палубу. Не разбился. Его спасла большая бухта пенькового каната.

Тотчас наступила тишина. Что-то чудовищно большое приподняло "Семерку" и боком понесло на мель. Гребцы бросили весла и начали прыгать в воду. В густом тумане глухо звучали крики и стоны раненых.

Стоявшие у капитанского мостика Шауль и Натанель едва не вывалились за борт. Они тут же бросились к Шифре и Эсте. Те, вконец перепуганные, оказались у самой ограды носовой части корабля. Эта ограда и спасла их от морской пучины.

Посидоний, тотчас же понял: произошло то, чего он больше всего опасался — "Семерка" столкнулась с встречным кораблем. Сам Посидоний с трудом удержался на капитанском мостике, и сейчас пытался расслышать доносившиеся со встречного корабля звуки.

— Трирема наскочила на торговое судно! — услышал Посидоний, и тут же на триреме раздалась команда. — Полный вперед!

— "Отличное решение! Командир триремы знает свое дело!" — хладнокровно оценил Посидоний маневр капитана военного корабля. — Не иначе как его трирема проткнула борт моей "Семерки" и если бы он дал команду остановить трирему, или сдал бы назад, то наверняка мы бы уже были на морском дне.

Меж тем "Семерку" несло в направлении берега. Вскоре раздался шорох и скрежет днища. "Семерка" легла на прибрежные камни.

Посидоний без труда разгадал маневр капитана военного корабля. "Сейчас раздастся команда: "Полный назад!" и трирема вытащит медный таран из тела его корабля.

И когда он услышал именно эту команду, даже обрадовался.

Гигантская трирема начала медленно отходить от "Семерки". И тогда Посидоний бросился к трюмам, приказал всем подняться на палубу.

В широкую овальную пробоину, оставленную тараном, хлынула вода. Наполовину заполненная водой "Семерка," прочно осела на скальный грунт у одного из небольших островов, находящихся вблизи Кипра. Трирема же отплыла к глубокой воде и бросила якорь.

Люди Шауля и оставшиеся на борту матросы, столпились на перекошенной палубе полузатонувшего корабля. Женщин поддерживали воины Шауля. Наиболее ослабевших усадили на бухты канатов.

Впереди возвышалась фигура капитана Посидония. Он был в длинной белой тунике, перетянутой золотым поясом, заслуженного морехода компании "Биркат—Эль" К владельцам подобной туники все мореходы Великого Моря относились с большим уважением. Редко кто дослуживался до подобного почета.

Постепенно туман начал рассеиваться, и пассажиры потерпевшего судна увидели, как от триремы отделилось несколько лодок и они направились в сторону пострадавшего корабля. По кругу обошли полузатонувшую "Семерку." Затем одна из лодок приблизилась к пострадавшим... На палубу легко вскочил греческий офицер.

— Капитан! — раздался его голос в утренней тишине, — командующий триремой капитан Аристо приносит свои извинения за все случившееся и готов вам помочь.

— Кто?! — с удивлением спросил Посидоний, — капитан Аристо?! — и окончательно овладев собой, с некоторой иронией сказал, — вот уж не ожидал *такого удара* от старого друга.

Прервав начавшийся, было, диалог между прибывшим офицером и Посидонием, — Шауль решительно заявил — мы нуждаемся в срочной помощи, а не в извинениях! Среди нас есть раненые, есть женщины и одна ждет ребенка.

Офицер безразлично посмотрел на Шауля, явно не одобрил, что тот прервал разговор с капитаном, пристально посмотрел на большую группу странно одетых мужчин и женщин. Потом его взгляд скользнул по палубе и неожиданно замер на плохо прикрытой горе оружия.

— Чье это оружие?! — неожиданно резким голосом спросил офицер и дал знак двум оставшимся лодкам пришвартоваться к беспомощной "Семерке". Вскоре на перекошенной палубе оказалось более десятка воинов. Их мечи были обнажены. Воины быстро отделили прижатую к корме группу Шауля, и лишь тогда офицер сбросил со сложенного оружия плотное серое покрывало. Он был заметно удивлен количеством и необычностью форм мечей, щитов, луков, стрел, коротких копий и множеством приспособлений для ближнего боя.

— Всё это принадлежит твоим пассажирам? — все тем же голосом, не предвещающим ничего хорошего, спросил у Посидония офицер.

— Именно так обстоит дело! — несколько вызывающе ответил Шауль, пытаясь выгородить капитана, которого по справедливости считал не причастным к оружию.

— Связать пленных! — приказал офицер. — Оружие и доспехи перенести на трирему!.

На решительные требования Посидония не трогать его пассажиров, так как его корабль обладает экстерриториальностью на всех просторах Великого Моря, — офицер ответил отказом. Он сказал:

— Ты прав, достойный капитан корпорации "Биркат—Эль". — К твоему кораблю мы не имеем никаких претензий и командующий Аристо уже отдал приказ специалистам по заделке пробоин подняться на борт твоего судна.

Шауль увидел, как при упоминании имени Аристо его сестра Эста едва не лишилась сознания. Её губы мгновенно пересохли. Стали бледнее недавно исчезнувшего тумана.

— Этих я обязан арестовать, — безапелляционно заявил офицер. Империя ведет карательную кампанию против Иудеи, а эти вышли из Иудеи с оружием! Мы обязаны проверить кто эти люди? Что они делали в Иудее и почему оказались с таким количеством оружия в нашем тылу, вблизи Александрии?

— Я это выяснил, когда пустил их на борт моего судна! — решительно заявил Посидоний.

— Мы лучше знаем, как проверять! — отрубил офицер, — У нас имеется для этого Мантей и его служба сыска!. Потом, чтобы окончательно показать капитану "Семерки", что тот сугубо гражданский человек, спросил:

— А проверил ли ты их ранения — они настоящие или фальшивые?

При этих словах Посидоний вспомнил погибшего иудея, находящегося в тайнике на его судне, и без прежней уверенности признался, что каждого в отдельности не проверял, но...

Офицер поднял руку, что означало завершение беседы, и приказал своим солдатам прочно связать одним канатом всех пленных, в том числе и женщин.

Итак, война в Иудее настигла отряд Шауля у берегов Кипра, на полпути от Эфирики, их родного дома.

Как овец их разделили на две группы и сбили в узкий треугольник носовой части корабля. Прочно связали, пощадив лишь Эсту, чей живот выдавал её состояние. А затем перевезли на трирему.

Вскоре появился капитан военного корабля. Он был в роскошных военных доспехах, коим явно не придавал значения.

Произошло столкновение, и, как он считал, по его вине. Поэтому, кроме ремонта пострадавшего корабля известной международной корпорации "Биркат— Эль" он хотел лично извиниться перед капитаном, но когда узнал о значительном количестве оружия и отряде неизвестных воинов, находившихся на торговом судне, решил провести первичный опрос.

— Ко мне капитана "Биркат— Эль-7"!

Когда к нему подвели Посидония, тот широко улыбнулся:

— Привет тебе, Аристо!

— Привет тебе, Посидоний! — с удивлением произнес капитан триремы... — Вот так встреча! Сколько же мы с тобой не виделись! — искренне обрадовался Аристо! — Какими ветрами тебя занесло в наши гипархии?

Посидоний вновь повторил свой рассказ. Аристо выслушал, ничего не ответил. Подошли к аккуратно сложенному и рассортированному оружию. Аристо долго смотрел. Потом многозначительно улыбнулся и, как бы между прочим, заметил: — Всё это будет интересно увидеть коменданту.

Затем он направился к пленным. Без всякого интереса взглянул на несчастных связанных людей. Хотел было уйти, но мелькнувшее женское лицо заставило его остановиться, напрячь память. Неужели?...

Он близко подошел к группе пленных, и подозвал к себе единственно не связанную женщину — Эсту. Та смело сделала несколько шагов вперед и гордо подняла голову.

"Она или не она?" — неожиданно засомневался Аристо. Но затем спросил:

— А где посланник?

— В дороге. — Сдержанно ответила Эста, с трудом подавляя подкатившие рыдания.

Стоявший рядом с ними офицер и Посидоний не могли понять, что происходит.

— Ну и дела! — искренне удивился неожиданной встрече Аристо. — За полный лунный месяц нашего с посланником плавания, я хорошо узнал этого человека. Замечательно, что такие люди имеются на грешной земле.

Потянулся за амфорой, висевшей, на поясе, как и в том давнем плавании. И, явно волнуясь, сделал крупный глоток.

— Капитан Аристо! — звенящим голосом сказала Эста, — освободи моих людей. Они ни в чем не повинны!

Аристо растерялся. Он не знал что ответить. На этот счет ему никто не давал никаких распоряжений. И он, махнув рукой, сказал офицеру:

— Развязать и всех отвести в тень, под тент. Еще раз взглянул на Эсту, добавил — Накормить!

— А ты, Посидоний, можешь возвратиться на свой корабль. Проследи, чтобы заделка бреши, — и Аристо смущенно улыбнулся, — была бы лучше, чем борт нового корабля. Затем мои матросы отбуксируют тебя в Александрию. Будешь моим личным гостем.

Они молча пожали друг другу руки. Посидоний, бросил виноватый взгляд на Шауля, отправился на свой корабль. Оттуда доносились звуки пил и стук молотков. Над морем плыл синий дымок кипящей смолы.

Трирема взяла курс на Александрию Месопотамскую.

Шифра и Эста стояли на верхней палубе триремы. По обоим бортам были подвешены большие круглые щиты. Эти щиты, подобно медному ожерелью, украшали борт корабля и одновременно защищали стоявших за ними воинов.

После освобождения пленных от цепей, исчезла напряженность, и воины с явным интересом поглядывали на женщин. На боевом корабле подобное случилось впервые.

Встречный ветер разогнал туман. Шифра, ранее не видевшая море, никак не могла привыкнуть к его бесконечным просторам. Оно раскинулось до того самого места, где небо соединялось с землей.

«Быть может, поэтому его называют Великим Морем», — думала она.

Изредка корабль проплывал мимо скалистых островов. Её пугали выступавшие из воды острые каменные утесы. Они были иные чем холмы и горы её родной Иудеи. Там был знаком каждый кустик, каждая травинка, каждая тропа. Эти же были чужие, отталкивающие. В них таилась угроза.

Она, слегка дрожа, прижалась к стоявшей рядом Эсте, и та, не повышая голоса, произнесла:

— Всё уладится, держись, милая.

Солдаты и моряки, да и молодые офицеры, зачастили вокруг красивых женщин. Проходя мимо, они направляли на них солнечные зайчики, отраженные от их начищенных до блеска медных шлемов. Иные постукивали мечами по щитам, привлекая тем самым внимание к себе и выражая восторг.

Но Эста всего этого не замечала. Она напряженно размышляла о сложившейся ситуации. И, как когда-то Эльзар, лихорадочно искала выход.

Невольно вырвавшейся фразой, что Эльзар где-то в дороге, она обманула капитана Аристо и тем самым взяла грех на душу, но чувствуя, что облегчив положение отряда, она сделала богоугодное дело.

Шифра с ужасом вспоминала, как солдаты набросились на пленных, а раненых намереваясь выбросить за борт. Возможно, она спасла им жизнь. Да, это был обман упрекала она себя, но обман во имя спасения жизни, «пикуах нэфеш», искала она успокоение.

Но что будет дальше?

Она сказала Шифре, что всё уладится, но сама несколько не была в этом уверена. Злой греческий офицер, командовавший солдатами, упомянул имя Манитея — этого циклопа, воспоминание о котором вызывало у Эсты ужас и отвращение. Это он смертельно напугал её и угрожал Эльзару в ту давнюю поездку к Гераклие Понтийской.

И вновь её мысли были целиком заняты воспоминаниями об Эльзаре, его сдержанности, верности о большом любящем сердце. И тяжелые рыдания готовы были вырваться наружу.

Она, в свою очередь, искала поддержку у Шифры, ставшей ей самым близким человеком. Так они стояли, прижавшись друг к другу, пока Эста неожиданно не произнесла: — Он шевелится... — а потом вскрикнула — Дерется! — И улыбнулась полными слез глазами.

Трирема медленно приближалась к появившемуся на горизонте высокому александрийскому берегу. Трехъярусный стовесельный великан, казался неуклюжим на фоне быстрых парусно-весельных галер, сновавших в порту. Однако, величина триремы и особенно выступавший из воды грозный таран, по-прежнему создавали впечатление силы и несокрушимой мощи.

Тем не менее, новый комендант Александрии Месопотамской хорошо знал, что несколько быстроходных галер, вооруженных катапультами средней величины, были способны забросать трирему большими глиняными кувшинами с горящей смолой и сжечь трирему, как сжигают в поле сухой кустарник.

Вместе с портовыми сооружениями и обширными, часто пустыми складами, оставленными прежним комендантом Полемархом, новому коменданту достались и две изношенные устаревшие триремы. Весь остальной флот, а также плоты и лодки, Лисий забрал для перевоза в Иудею новой большой армии, включавшей боевых слонов, тяжелые катапульты и колесные штурмовые лестницы.

Первое, что сделал новый комендант — велел в срочном порядке отремонтировать триремы, стоявшие несколько лет без движения, и, конечно же, укомплектовать их надежными командами. Последнее было крайне необходимым, так как пираты почувствовали, что после ухода армии Лисия в Иудею, Александрия оказалась беззащитной. Начали настоящая охота на торговые корабли, прибывавшие в порт.

Наглость морских грабителей достигла вершины, когда они осмелились среди белого дня опустошить один из оставшихся нетронутыми портовых складов с драгоценными шелками, изделиями из слоновой кости, бронзовой посудой и многими другими вещами, привозимыми караванными путями из Индийской гипархии и самой Поднебесной.

С этими грабителями и искал встречу капитан триремы Аристо.

Аристо был хорошо известен на флоте. Когда-то он командовал флотилией штурмовых галер царя Антиоха Ш... Затем, с приходом к власти нового царя Антиоха IV Эпифана, был отправлен в отставку, купил себе торговое судно, курсировавшее вдоль побережья Великого моря. То самое судно на котором Эльзар сопровождал Эсту домой в Эфирику.

Капитал Аристо оказался не у дел, когда его судно, напоролось на риф у берегов Родоса и затонуло. Поговаривали, что в это время у руля стоял не сам Аристо, а его помощник Амфотер, однако это не меняло дела.

Получив приглашение нового коменданта Александрии, Аристо, сразу же согласился занять должность капитана триремы. Он томился без дела и не представлял свою жизнь вне морской стихии.

В свои пятьдесят лет Аристо был крепким человеком, хотя голова его была увенчана густой гривой коротких седых волос. Смуглый и мускулистый он выглядел изваянием самому себе.

Под его личным надзором трирема была отремонтирована, хорошо просмолена и вновь покрашена, так, что бывалый моряк чувствовал, что вернулись годы его боевой молодости.

Конечно, его трирема не очень годилась для современных морских битв. Была слишком медлительна и ни в какое сравнение не шла с маневренными галерами. И все же именно этот корабль в наибольшей степени соответствовал характеру нового капитана.

За неторопливостью триремы, — был уверен Аристо (он не хотел употреблять слово медлительность), — ощущалась уверенность в своей силе, скрытая угроза врагу. К тому же на борту корабля всегда находилось не менее сотни бывалых фессалийских воинов, им лично отобранных.

Трирема Аристо осуществляла охрану береговой линии Александрийской гипархии и все морское пространство вплоть до северо-восточного кипрского выступа.

Аристо искал встречи с морскими разбойниками, искренне желая всей своей справедливой душой показать этим наглецам, кто здесь, на Великом море, настоящий хозяин.

Однако, как мы уже знаем, капитана триремы постигла неудача. Находясь в густом тумане, боевой корабль пропорол своим тараном не какую-нибудь пиратскую галеру, но беззащитное торговое судно, к тому же известной и всеми уважаемой корпорации "Биркат— Эль".

К счастью, судно не затонуло. В этом жесте судьбы Аристо видел покровительство богов Эллады и в сердцах решил принести достойную жертву в пользу храма Артемиды.

Приняв это решение, Аристо с облегчением вздохнул. Он, конечно же, окажет всю необходимую помощь невольно пострадавшим.

С облегчением открыл амфору всегда висевшую у него на поясе и сделал несколько глотков обжигающего напитка.

Всё не так уж плохо, как ему показалось вначале.

Он преподнесет новому коменданту, которого успел полюбить, сотню пленных, за которых можно будет выручить хорошую сумму, если продавать поштучно.

Однако главное — это гора оружия, оказавшегося на торговом корабле. Комендант, как знал Аристо, формирует новую большую армию, и все это очень ему понравится.

Так, что несчастье принесло ему счастье! И за этим открытием последовал еще один глоток крепкого ячменного напитка.

То ли этот четвертый глоток был лишним, то ли дальнейшие размышления о пленных привели к тому, что настроение капитана стало заметно снижаться.

"Любопытно, что делает в группе пленных женщина, которая была с царским посланником в тот славный рейс? Не свалил ли он дурака, захватив пассажиров судна "Биркат— Эль-7" в качестве пленных или рабов, на свой борт?"

Быть может, как и тогда, у этих людей было какое-то задание свыше?

Слово "*свыше*" — всегда вызывало в душе честного, добродушного по своей натуре человека, каким был Аристо, некоторую растерянность.

Но он тут же успокоил себя: пусть в этом разбирается Манитей — этот постоянно вынюхивающий пёс. Потом улыбнулся, вспомнив, как Полемарх, прежний комендант Александрии, едва не повесил Манитея за то, что он или его люди украли у посланника талант серебром, полученный им в при дачу, к пурпурной ленте награжденного "За храбрость".

Вновь, было, потянулся к амфоре, но увидел, что рядом с ним стоит его неизменный помощник и ангел-хранитель Амфотер.

Погрозил ему кулаком. На совести помощника была добрая доля вины за столкновение кораблей.

Затем позволил Амфотеру увести себя в капитанскую каюту, так как был в достаточно расслабленном состоянии. Солдаты, стоявшие вдоль борта, добродушно улыбались. Они знали, что по прибытии в порт, их ожидает вино, хорошая еда и веселье. Неожиданные трофеи, оказавшиеся в их руках, были, как им казалось, заслуживающими вознаграждения.

Глава 3

Возвращение Силоноса

Однако, прежде чем продолжить повествование о нелегкой судьбе пленных пассажиров "Семерки", попавших в крайне тяжелое положение, пришло время рассказать о Силоносе, отправленном по злой воле Аpellеса в далекий и опасный Дура-Европос.

За два года, что Силонос там не был, положение форпоста резко ухудшилось. Значительно изменился состав гарнизона, но что особенно встревожило вновь назначенного гипарха — это полное отсутствие офицерского состава. Главкон, как он знал, погиб. И место его пустовало. В Антиохии, с горечью отмечал Силонос, по-прежнему были заняты какими-то важными делами, но чаще всего грызлись за теплые места, поближе к императору.

Филона — когда-то делового и подтянутого командира отряда лучников, он попросту не узнал. Перед ним оказался обрюзгший медлительный человек в его глазах застыла тоска и полное безразличие. Однако когда он увидел Силоноса, эта тоска мгновенно улетучилась. Её место занял неподдельный испуг, суеверный страх, как у человека неожиданно увидевшего привидение. Приподнялся, было, но потом махнул рукой и вновь погрузился в подушки.

— Садись, — кивнул он на стоящее рядом кожаное кресло, когда-то подаренное Силоносу иудеями Дура-Европоса, — если ты, конечно, не... привидение? Подушек ты, как мне помнится, никогда не жаловал, — Филон попытался изобразить на широком крестьянском лице улыбку. — Мол, это только мы стали такими изнеженными.

Силонос устало присел. Оглядел просторный офицерский шатер. На секунду задержал взгляд на подвешенном к потолку керамическом лампione, когда-то подаренном ему Эльзааром. Лампion был засижен мухами. Густые паутинные нити плотно окутали чаши светильника. Видимо с отъездом Силоноса их никто не зажигал. Однако светильник висел всё на том же месте.

— Я теперь здесь один, — вновь раздался хриплый голос Филона. — Приличному человеку, — язвительно произнес он, — здесь давно нечего делать, а тем более обладающему, как мне нашептывали, хорошими связями там... — и он поднял палец. Потом вдруг посерьезнел и с давно затвердевшей горечью сказал:

— Главкон тебя ненавидел. Он писал на тебя доносы и меня подбивал на эту гадость. Но я то тебя знаю! Вместе были в нелегких переделках. А это была лучшая проверка. Главкон даже деньги, вырученные от продажи изделий гончарной мастерской, зачислил тебе в вину. Хотя аккуратно прятал в кошелек свою долю...

— Когда ты уехал, я ему высказал всё, что о нем думаю — продолжал Филон, не в силах остановить прорвавшуюся боль. Мы даже фехтовали амфотерами, — так он назвал короткие мечи, постоянное ношение которых было обязанностью каждого офицера. И Силонос увидел на плече Филона глубокий шрам зажившей раны. — Хорошо — вовремя остановились.

— Но ненависть, — продолжал он, — точнее зависть, не оставила Главкона, и, однажды, когда мы были на маневрах, он велел рабам разрушить до основания керамические мастерские, построенные иудеям. Лучники — фессалийцы, сильно обиделись на него. Ведь и им кое — что перепало от продажи керамических изделий.

Силонос слушал молча. Много вспомнилось, сопоставил факты и только теперь понял, почему у него не получилась ни одна искренняя беседа с Главконом.

— Его убили парфяне, — мрачно сказал Филон, — странно, но только его. Я расследовал эту схватку. Он шел первым, почему не послал разведчиков — не знаю, а из солдат-лучников я ничего не смог выжать. ... Такие у нас дела.

Потом резко сменил тему, спросил:

— Почему ты возвратился в это проклятое место? С твоей-то родословной... Пополнение не присылают, даже наоборот, отозвали опытных солдат и отправили воевать в ту самую гипархию, из которой был рекрут Эльзар... И, вообще, что там происходит?

Ты ведь отслужил в Иудее около двух лет, — и в раздумье добавил: — Если подняли мятеж такие парни, как твой рекрут, то нелегко придется нашему императору, — и он вызывающе засмеялся.

Потом довольно легко поднялся. Поставил на стол кувшин с вином, копченое мясо, тарелку с пшеничными лепешками.

— Рад тебя видеть! — поднял кубок Филон.

— Рад встретить живую душу! — ответил Силонос.

Выпили.

— С твоим отъездом всё пошло наперекосяк, — опустил голову, продолжал Филон. — Главкона убили парфяне. Потом почему-то перестали нас тревожить.

— Они перенесли боевые действия в сторону Персии, — объяснил Силонос, — там что-то серьезное затевается.

— Сам чёрт сломит ногу в этой путанице, — пожал плечами Филон, — нас теперь можно взять голыми руками, а они пошли против персидской империи.

Говоря все это, Филон подливал и подливал в кубки неразбавленное вино и, не глядя на Силоноса, непрерывно пил.

Силонос смотрел на Филона с грустью. Он знал, что тот, будучи сыном фессалийского винодела, с огромным трудом дослужился до высокого офицерского звания.

Ему было значительно сложнее, чем юношам из потомственных военных семей. И это вызывало у Силоноса уважение и теплые чувства к Филону, сейчас явно потерявшему точку опоры. А тот, пьянея, утратил стройность речи, и явно торопливо, запикивал в рот огромные куски мяса.

— Вот такие мы сейчас..., — не глядя на Силоноса, бормотал Филон. — Стали настоящими скотами. — И Силонос увидел, что по щекам Филона расползались слёзы.

Он вышел.

По территории крепости бесцельно бродили солдаты. Другие сидели небольшими группами в тени и играли в кости. Многие были без оружия. Завидев незнакомого офицера, они с неохотой поднимались, лениво приветствовали.

Силонос пошел в дальний конец крепости, где находились керамические мастерские. Однако обнаружил лишь груды развалин с чернеющими пятнами задымленных кирпичей. Затем подошел к солдатским шатрам. И здесь его приветствовали вяло, скорее по привычке, чем по долгу. Однако он отвечал четко, энергично, как того требовал дисциплинарный Устав, чем вызывал определенное недоумение бывалых воинов.

Затем он направился к конюшням гарнизона. С удовлетворением обнаружил, что прибывший с ним отряд конников сделал свое дело. Лошади лоснились чистотой и, опустив головы в небольшие керамические корыта, аппетитно жевали зерно.

И вновь невольная нить воспоминаний протянулась в недалекое прошлое. Эти ящички-корыта были делом рук Эльзара и рабыни Эсты. Первое два ящичка слепила сама Эста.

После военных учений Эльзар, обычно, направлялся не к шатрам конников, а к гончарным мастерским. Привязывал в тени смоковницы лошадь, приносил кожаное ведро с водой, поил её, а затем подвешивал мешок с кормом. И шел в мастерские.

Но однажды он увидел, что под деревом, где обычно он привязывал лошадь, стояли два просторных керамических корыта: в одном находилась вода, которую лошадь тут же выпила, затем опустив голову во второй ящик, принялась жевать зерна овса.

Эльзар обнаружил, что ящички были удобнее корыт, выдолбленных из камня, которые были расставлены в конюшнях гарнизона.

Такие ящики позволяли лошади свободно есть и, когда съедали корм, не надо было ожидать, пока поднесут воду. Они могли пить в любую минуту из стоящего рядом ящика.

Эльазар мгновенно оценил все эти преимущества кормушек, слепленных руками Эсты. Впоследствии они изготовили множество подобных коробов-корыт.

Все корыта для воды Эльазар соединил керамическим трубопроводом. Теперь не было надобности таскать сотни ведер воды, чтобы напоить лошадей. В течение часа, рабы или проптрафившиеся солдаты, стоя у колодца, заливали небольшой бассейн, из которого вода самоотеком заполняла эти корыта.

Впоследствии, — вспоминал Силонос, — хорошее снабжение водой положительно сказалось на настроении и выносливость лошадей отряда. А что означало хорошее настроение отдохнувшей лошади, ему, опытному коннику было превосходно известно.

Эти керамические ящики-корыта позволили Силоносу осуществить давно задуманную им перепланировку конюшен крепости. Теперь лошади стояли не беспорядочно, как было раньше, но голова к голове. А это, в свою очередь, облегчило и заметно ускорило уборку конюшен.

Отбросив наплывшие воспоминания, Силонос подошел к Быстроногому, тот, почуяв хозяина, тихо заржал. Лошадь была хорошо вымыта и расчесана. Чувствовалась рука верного коневода Никоса.

Не вызывая коневода, он оседлал лошадь и направился к ущелью Ара. Здесь стояла полуденная тишина. Из зарослей цветущего барбариса доносились редкие голоса крохотных птичек — колибри.

На возвышающемся утесе замер крупный орел, он был подобен каменному изваянию.

Густой кустарник горной акации отсвечивал золотистой россыпью. Откуда-то доносился характерный крик прирученного осла.

Силонос спустился в ущелье. Повеяло прохладой. Дорогу перебежал заяц, и тут же за ним промчалась светло рыжая лиса. Затрещала крыльями испуганная стайка красно-зеленых попугаев. Силонос проехал до самого источника, из которого жители Дура-Европоса брали хорошую питьевую воду.

А вот и тот самый утес, у которого чуть не погиб его конный отряд. У этого утеса он постоял несколько минут, а затем круто повернув лошадь, помчался к крепости.

Проехал мимо синагоги. Оглянулся. Здесь ничего не изменилось и только на крыше, примыкавшей к стене крепости, не было кольев. Однако рав Нафтали увидел подъехавшего офицера. Узнал его и тут же вышел.

На лице Нафтали не было даже тени удивления. А добрая улыбка свидетельствовала, что он рад вновь видеть старого знакомого.

Силонос спешил. Подал руку старому человеку. Эта встреча была ему приятна. Она связала невидимыми нитями его настоящее с прошлым. Ведь он прослужил в крепости более семи лет!

Не ожидая вопросов, он рассказал раввину Нафтали всё, что знал об Эльазаре. О тяжелых днях наступивших в Иудее. Нафтали не перебивал, изредка кивал головой, как бы подтверждая возникавшие у него грустные мысли. На лице его застыла печаль.

— Значит, еще не выпита до дна горькая чаша нашей вины перед Всевышним, — с глубокой болью произнес рав Нафтали, когда Силонос завершил свой рассказ, — значит, еще не пришло время спокойствия на Земле Израиля, даренной нам Всемогущим.

Жестом уважения и доброжелательности Нафтали пригласил греческого офицера зайти в синагогу.

После яркого солнца в помещении казалось темно. Горело несколько небольших глиняных плошек. Рав поставил перед гостем золотистую, как солнечный день кружку с холодной ключевой водой.

— Из ущелья Ара, — невольно улыбнулся своим воспоминаниям Силонос. Наступило неловкое молчание. Первым заговорил Нафтали.

— Я уже давно понял, — начал раввин, как бы продолжая недавно прерванный разговор, — что для вас, уважаемый гипарх, история великой Эллады, не пустой звук, но важная часть лично вашей жизни, вашей веры и отсюда линия вашего поведения. Вы носитель великих традиций, но, увы! прошедших эпох.

Сказав все это, без всякой напыщенности или заискивания, Нафтали умолк. Он лишь констатировал факт. Однако Силонос насторожился. Старый иудей коснулся очень важной его, Силоноса, личной тайны. Он внимательно посмотрел на раввина, но тут же успокоился. В словах иудея была истина, хотя она и больно его задела.

Не об этом ли говорил ему несколько лет тому Проклос, верный друг его отца, перешедшего в мир иной?

Наставляя Силоноса, друг отца говорил с осуждением о тех, кто зачеркнул лучшие стороны деяний Александра Македонского, а именно: его титанические попытки создать из народов и племен, присоединенных к эллинской империи, единую и могучую нацию ЭЛЛАС, о тех, кто взял из его деяний лишь опыт создания штрафных отрядов из провинившихся солдат и офицеров...

— Прошу прощения, если я задел больное место вашей души! — как бы опомнившись, произнес раввин. — Я не намерен был даже в малейшей степени огорчить моего почетного гостя.

— Продолжайте, — коротко возразил Силонос, — я вижу, вы знакомы с нашей историей.

— Я лишь пытаюсь её понять... — тихо ответил раввин. — Наши древние народы и наши древние культуры связаны не праздными интересами.

— Да, я знаю о Септуагинте — тщательном переводе вашей Торы на греческий язык. Этот перевод был осуществлен семьюдесятью иудейскими мудрецами по личному указанию Александра Македонского и вошел в золотой фонд Александрийской библиотеки в Египте.

— В словах Силоноса прозвучала плохо скрываемая гордость. — Лишь зная и уважая историю, культуру и обычаи своего народа, — продолжал он, — можно по достоинству оценить историю и культуру другого народа, связанного с нами на протяжении многих столетий.

— Это так, — согласился рав Нафтали, — хотя наши цивилизации различны, мир ваших богов — это обожествленный мир вашего свободного народа, верующего в свое могущество, в свои силы в правоту свершаемых им деяний.

— Мы же, — продолжал Нафтали, — в известной степени ваша антитеза, мы вышли из рабства, и становление нашей свободы сопровождалось откровением, или, если позволите, рождением неизвестных ранее великих принципов, зафиксированных в десяти заповедях. Принципов понятных и близких подлинным эллинам.

— Согласно нашей иудейской вере, каждый человек создан по образу и подобию Всевышнего и содержит в себе целый мир. Всемогущий передал через Моше-рабейну 613 заповедей, указывающих человеку как распорядиться этим миром. Но только сам человек волен, распорядиться этим миром, как и самим собой.

Нас нередко обвиняют в том, что мы — варвары среди варваров, — продолжал Нафтали, — и все из-за того, что в любой человеческой среде — мы другие. Но это отличие не зависит от нас. Оно заключено в наших традициях, в наших обычаях, в нашей безоговорочной вере в единого Бога.

— Да, я это знаю, — насупившись согласился эллин. И он вспомнил кровавые усилия Апеллеса направленные на то, чтобы искоренить иудейские обычаи и верования.

— Вы имеете в виду *брит-мила*? — спросил Силонос, используя именно это ивритское слово.

— И *брит-мила* тоже, — согласился Нафтали. — Но кроме этого важнейшего признака, свидетельствующего о заключении Союза с Всевышним, нам подарено счастье еженедельно праздновать царицу Субботу. День молитв и день священного отдыха.

— Это верно, — произнес в глубоком раздумье Силонос, — в наши мрачные дни рабства, еженедельный отдых — это дерзкий вызов обществу. И это я успел хорошо усвоить в Иудее. Люди исправно платили кем-то названные "праздничные субботние штрафы", их избивали, отсекали головы, но в этот день они не выходили на работу.

Силонос расслабил пояс. Снял меч. Осмотрел помещение синагоги и увидел множество глиняных сосудов, сконцентрированных в угловой нише. Узнал кубки, созданные в мастерской Эльазара и разрисованные рабыней Эстой.

...Где они теперь? Что с Шифрой?

Думая не раз об иудейской девушке, он уже не скрывал перед собой, что она прочно вошла в его жизнь. И её отсутствие лишь подчёркивало её постоянное присутствие в его мыслях и чувствах.

Будучи реалистом, он понимал, что этот период его жизни пройден. А пройденное не возвращается даже в мифах. Тем не менее, непонятная надежда продолжала в нем жить. Продолжала волновать его мятежную душу. И не эта ли надежда привела его, гордого и независимого эллина, в эту синагогу — Дом собраний варваров, к которым принадлежала Шифра?

Видя, что Силонос глубоко задумался, Нафтали заволновался. Не обидел ли он неосторожным словом гостя? Он этого совсем не хотел. Но может он, Нафтали, ошибается и его многолетний опыт общения с людьми, раскрыл перед ним волнение души этого честного, прямого и мужественного человека. Это предположение вызвало у раввина ответное волнение, он потянулся к эллину в стремлении восстановить утерянное равновесие. Он раздумывал.

Наступило продолжительное молчание, каждый был погружен в свои мысли.

Здесь было прохладно и Силоносу показалось, что раввин собирается сказать ему что-то чрезвычайно важное, и он знал, что это будут не простые слова, которые обычно принято говорить при встрече старых знакомых. Однако он обязан был возвратиться в крепость и, пообещав, что обязательно зайдет, легко вскочил на Быстроногого и направился к шатрам гарнизона.

У офицерского шатра он спешил, бросил поводья подоспевшему коневоду, скрылся внутри. Никос, не успевший отвести от шатра лошадь, услышал непривычно громкий голос Силоноса, затем, к еще большему его удивлению, последовала отборная ругань. И, если бы он не знал голос своего командира, то мог бы поклясться, что это был кто угодно, только не он, Силонос.

Когда же в шатре послышалась какая-то подозрительная возня, и оттуда выкатился начальник отряда лучников Филон, Никос счел благоразумным поскорее увести Быстроногого в конюшни и обратиться самому.

Филон, меж тем, ослепленный ярким дневным солнцем, от которого он был отделен стенами шатра неизвестное количество дней, невольно рукой прикрыл глаза рукой. Тут же потребовал принести несколько ведер холодной воды. Сбросил не первой свежести домашнюю тунику, велел рабу лить на голое тело ведро за ведром. Затем отряхнулся как гусь, хорошо растерся большим лоскутом грубой льняной ткани и велел подать офицерские доспехи.

К полудню он и Силонос построили на площади у шатров весь состав гарнизона.

— 320 копейщиков, 120 лучников и 200 солдат вспомогательных служб, — доложил вновь прибывшему гиппарху Филон. — Кроме того, в составе гарнизона имеется 30 колесниц и три малых катапульти.

Затем они обошли довольно стройные шеренги. При этом Силонос не без огорчения заметил, что среди солдат почти не осталось ни македонцев, ни фессалийцев, основное ядро составляли местные наемники, впрочем, были также ликийцы, и персы.

Филон, шагая рядом со стройным и подтянутым Силоносом, пытался втянуть четко обозначившийся живот. Иногда это ему удавалось.

Среди лучников Силонос увидел несколько хорошо знакомых воинов. Он заметил, что и они узнали его. Это принесло ему радость и успокоение. Одного из лучников он помнил по имени. Тот был ведущим фаланги и не раз заслуживал похвалу.

— Лисип! — окликнул он солдата. И тот, польщенный вниманием, сделал широкий шаг вперед. Он был при полном вооружении. Длинный меч, введенный еще Александром Македонским, заправленный за спину, лук и полный колчан стрел.

Потрепанный кожаный панцирь, захваченный некогда у парфян, был хорошо подогнан, а шлем с развевающимися перьями начищен до блеска. Лисип с достоинством характерным для воинов, знающих себе цену, отдал честь новому командующему.

— Назначаю тебя командиром отряда лучников. — Четко произнес Силонос. Затем выпустил солдат и велел командирам отрядов зайти в офицерский шатер.

Говорил он предельно кратко. Потребовал немедленно восстановить боеспособность гарнизона и подготовиться к маневрам. Поручил Лисипу вернуть всех солдат, разбредшихся на заработки по окрестным деревням. Он был уверен, что затишье долго не протянется. Парфяне непрерывно наращивали силы.

Царь Антиох все более увязал в Иудее. Силонос уже знал, что ополченцы Иегуды Маккавея разгромили регулярную армию Аполлония, царского наместника Самарии. А сам Аполлоний был убит.

Теперь готовилась новое выступление против Иудеи. Экспедиционный корпус возглавил полководец Серон, приближенный самого царя.

Все это ослабляло империю селевкидов, и Силонос был уверен, что этим непременно воспользуются парфяне и нанесут удар по форпосту. Далее им откроется путь на Тапсак и Антиохию. И он, со свойственной ему последовательностью принялся за осуществление своего плана.

К шестому полнолунию гарнизон Дура-Европоса стал одним из самых сильных в этой части огромной империи селевкидов. Но этот бесспорный успех Силоноса оказался для него роковым.

Дисциплинированный и хорошо подготовленный отряд гарнизона, насчитывавший более двух тысяч воинов, попал в поле зрения на столько парфян, сколько приближенных царя Антиоха Эпифана. Однако Силонос этого не понял.

Когда специальный имперский курьер вручил ему папирус с требованием немедленно явиться к Лисипу в Антиохию, он обрадовался, видя в этом перст судьбы. На его стороне были боги Эллады.

Глава 4

В царской ставке

Вызов в царскую ставку представился Силоносу, как благоприятный момент изложить перед командованием свой стратегический план. Его не тревожили дошедшие до Дура-Европоса сообщения о том, что полководец Сирон, подобно наместнику Самарии Аполлонию, также потерпел поражение на северо-западе Иудеи.

Войска Сирана были наголову разбиты ополченцами Иегуды Маккавея в ущельях Бет — Хорона. Силонос хорошо знал эти места. Он не раз совершал там патрульные поездки, направляясь к Иерусалиму.

Поражения Аполлония и Сирана он рассматривал, как нежелательные события, к сожалению, встречающиеся в военном деле. Будучи поглощенным разработкой своей стратегии в отношении быстро усиливавшейся Парфии, он не придавал решающего значения этим неудачам.

Силонос не верил, что столь небольшая гипархия, как Иудея, может быть опасной для гигантской державы, раскинувшейся от Египта на северо-западе и до границ Индии на юго-востоке.

К тому же, воспитанный на военных традициях армии Эллады, Силонос не представлял себе, что армия крестьян — тружеников жесткой земли Иудеи, не владеющих ни современным оружием, ни знанием военного дела, может представлять какую-либо угрозу империи Селевкидов, которой он присягал.

Действительная опасность, как был уверен Силонос, исходила из Парфии. Согласно собранной им информации, угроза с юго-востока неуклонно возрастала. Парфянский царь Митридат 1 тайно готовился к отделению от империи Селевкидов и созданию своего могучего царства.

Под видом традиционных празднеств, широко известных степным народам, он собирал огромное количество всадников, проводил массовые "сражения" а параллельно с играми конников по сути являвшимися, маневрами, он разворачивал огромную армию пехотинцев: лучников, копейщиков, метателей из пращи, якобы для обеспечения порядка и безопасности этих празднеств.

Лазутчики, высылаемые Силоносом, среди которых нередко был Филон и другие офицеры крепости, докладывали, что генералы Митридата разработали новую и очень опасную тактику боя. Они используют установленные на специальных колесницах небольшие огнеметные катапульты. Эти катапульты были способны прожечь любую защитную стену противника, состоящую из плотно приставленных друг к другу, тяжелых щитов пехотинцев. Затем вводилась в бой пехота, прикрываемая лавиной стрел лучников.

Далее в прорыв шла, выстроенная в треугольники конница. При этом, в ряды деморализованного противника первыми, врвались боевые слоны, находившиеся в остром углу атакующей конницы.

Против этой тактики Силонос разработал свою оригинальную стратегию боя, открывающую возможность, свести на нет парфянскую опасность.

Именно об этих своих разработках он сообщит главнокомандующему Лисию.

Силонос знал, что Лисий является фактическим правителем Селевкидской империи и не скрывает этого. Говоря от имени царя, Лисий настолько входил в роль самого царя, что ни у кого не оставалось сомнений, кто правит империей. И для Силоноса эти знания были особенно важны именно сейчас.

Он был глубоко убежден, что его стратегия найдет положительный отклик у генералов и будет принята Лисием, являющимся также командующим армией.

После трех дней, быстрой и почти непрерывной езды, небольшой отряд, возглавляемый Силоносом, достиг окраин Антиохии.

Силонос был здесь впервые. Но не удивился роскошным дворцам и огромной скученности, прилежавшим к ним домам. Нечто подобное он видел в Афинах, Фивах, Спарте.

В глаза бросалась невероятная смесь форм и стилей. Ионический, дорический и коринфский стили сплелись в безумной схватке, с многообразием восточных форм. Арки, бесконечные ряды колонн, густо синие купола, усеянные золотыми звездами, слепили, заворачивали, парализовали.

Каждый дворец во весь голос подчеркивал свое величие, свое бесспорное превосходство над всеми остальными.

По этим дворцам и роскошным зданиям можно было безошибочно определить положение владельца в обществе, степень близости к царскому двору.

Силонос, привыкший к лишениям армейской жизни, смотрел на эти дворцы с явным пренебрежением. Они не вызывали у него ни удивления, ни зависти, но сопровождавшие его конники были в явном восторге.

Их, только что проделавших тяжелый путь по безводной пустыне, особенно поражали дворцовые фонтаны, взметавшие в высь несметное количество сверкавших на солнце прозрачных капель. Но Силонос видел, совсем не то, что поражало его храбрых воинов.

По замеченным лишь им мелочам, он видел, что вся эта кричащая роскошь находится на стадии увядания. Отвалившаяся штукатурка, отколовшиеся и не заделанные части мраморных колонн, пустующие промежутки в окнах витражей, нанесенные горы песка — все это напоминало ему не лучшие времена Афин.

Город был до отказа заполнен солдатами. Они сидели в тени деревьев, размещались на городских площадях, стояли вдоль улиц. Казалось, здесь собраны войска со всех стран селевкидской империи: пехота, конница, боевые слоны. По всему было видно, что готовится огромная военная кампания.

Неужели в четвертый раз на Иудею? — возник невольный вопрос у Силоноса, но он тут же отбросил его. Он хорошо знал, что по собранным им сведениям не было более актуальной опасности, чем со стороны Парфии. Он был уверен, что его доклад и разработанная им стратегия будут приняты Лисием — фактическим правителем всех гипархий от Египта и Палестины до Двуречья и Парфии.

Чем ближе группа всадников Силоноса приближалась к роскошному дворцу Лисия, тем гуще была солдатская масса.

У самых ворот дворца его встретил невысокий человек, плотного телосложения, он был в парадной одежде, вооружен. На его шлеме был прикреплен знак отличия высшего офицера. Его сопровождали четыре вооруженных рослых спартанца. Они также были в сверкавших военных доспехах.

Сделав шаг навстречу подъехавшей группе, невысокий человек неожиданно громким голосом произнес:

— Силонос! Мы ждем тебя более двух часов! — но, увидев крайне усталых лошадей и через силу державшихся в седлах всадников, смягчился. Затем придирчиво осмотрел запыленный мундир Силоноса, тут же кивнул одному из сопровождавших его воинов, и тот передал Силоносу большой тяжелый сверток.

— Здесь новый мундир. — Последнее он произнес с особым ударением. — Переоденься и без промедления к Лисию. Твои воины будут обеспечены всем необходимым. — Он круто повернулся и быстрым шагом направился к распахнувшимся воротам дворца. За ним после-

довал Силонос и обе группы воинов: спартанцы и конники отряда Силоноса. Ворота тут же закрылись.

Силонос ничего подобного не ожидал. Переодеваясь в новый мундир, со знаками отличия командующего армией он в душе протестовал против ненужной траты времени. Хотя понимал, что это неизбежная процедура перед встречей такого рода.

И, как тогда при встрече с Апеллесом, вручившим ему папирус из царской ставки и назвавший его новое высокое звание, так и теперь, еще до разговора с Лисием он был ошеломлен новым еще более высоким военным чином, присвоенным ему Лисием.

И, как тогда, при получении папируса от Апеллеса, в нем вновь проснулась тревога перед новой неизвестностью.

Он умылся, тщательно сбрил бороду, густо покрывшую лицо, за несколько дней езды. Надел новый роскошный мундир. Отодвинул в левую сторону золоченую рукоятку меча. Заглянул в большое, хорошо отполированное бронзовое зеркало, и не поверил своим глазам.

Перед ним стоял, не опытный боевой офицер, а преуспевающий штабист, один из тех легковесов, которые всегда хищной стаей кружатся вокруг сильных мира сего, и которых он бесконечно презирал.

С новой силой его охватили тревожные предчувствия. Но глубокая убежденность в необходимости довести до конца свою миссию и открыть перед Лисием, а если понадобится, и перед самим царем, всю серьезность надвигавшейся парфянской опасности и его, Силоноса, стратегию по устранению этой опасности.

Эта убежденность не покидала его, опытного боевого офицера, но не стоящего перед ним штабного карьериста.

— Впрочем, как говорят в Фессалии, не по диаметру кувшина определяют вкус вина, но по тому, что содержится в кувшине. И он, успокоившись, вышел из отведенной ему комнаты. Он был готов к осуществлению задуманного.

В огромном, сверкающем золотой отделкой зале, он увидел Лисия. Тот восседал в просторном, украшенном слоновой костью, кресле.

Силонос уже однажды встречался с этим могучим властелином, но не узнал его. Военный мундир верховного главнокомандующего имперской армии сиял плотными рядами золотых пластин. На шлеме, помимо знаков имперского отличия, четко видны были крупные драгоценные камни.

Силонос приветствовал высшего военного офицера, как того требовали правила этикета когда-то изученного им в военной академии. Лисий молча кивнул и пристально посмотрел на стоявшего перед ним офицера. Затем велел всем выйти из зала. Указал Силоносу на стоящее рядом кресло.

Они остались вдвоем, и Силонос был этому рад. Пришел его час. Теперь он сможет доложить Лисию свой план, не утаивая никаких подробностей. И история Империи получит новое развитие, не без участия его, боевого греческого офицера, потомка Гефестиона, соратника легендарного императора и великого полководца Эллады Александра Македонского.

Глава 5

План Силоноса

Предлагаемый мною план, — начал Силонос с хорошо скрываемым волнением, — базируется на стратегическом положении Империи, сложившемся за последние годы.

Он напомнил, что Парфия, как и Бактрия, получившие значительную долю самоуправления еще при императоре Александре Великом, со временем начали злоупотреблять оказанным им доверием. Этому обману способствовало и то, что высшие круги зависимой от нас страны, с пониманием и должным уважением относились к принципам великой эллинской культуры.

— Среди этой части парфянского общества, — продолжал Силонос, — как известно, утвердился греческий язык, а божественный Геракл принят ими как символ поклонения. Известно также и то, что основная масса парфян остается верной персидскому языку. И поклоняется вовсе не Гераклу, но своему божеству — Митре, зароастрийскому символу солнца.

Новые, отрицательные для нас изменения в Парфии, начались с восхождением на престол царя Арсака I, — сухо комментировал Силонос, — ему удалось, не вызывая подозрения наших властей, значительно расширить рамки самоуправления, вплоть до создания регулярной армии.

Лисий внимательно слушал, изредка отвлекаясь, чтобы сделать какие-то пометки на лежавшем перед ним папирусе.

Однако, лишь с приходом к власти царя Арсака IV, принявшего имя Митридата I, — говорил Силонос, — Парфия начала вести дерзкую, независимую от нашей империи, политику.

Пока его величество император Антиох IV Эпифан был занят военными действиями на далеком западе, ведя войну с враждебным нам птоломеевским Египтом, Митридат захватил обширные территории Бактрии, а затем, не получив достойного отпора, ввел свою армию в Мидию, провинцию, граничащую с *Месопотамией*.

Таким образом, угроза нависла непосредственно над Антиохией и даже Селевкией — сердцем нашей империи!

Силонос сделал многозначительную паузу.

— Парфян подлежит немедленно остановить! — и чуть тише добавил, — пока не поздно. И так как Лисий продолжал хранить непонятное молчание, Силонос продолжал:

— Главный удар по вражеской армии, — как мне представляется, должен быть нанесен ... в Мидии.

При этих словах брови Лисия вскочили и сошлись у переносицы.

Видя удивление Наместника, Силонос счел нужным объяснить, — Мидия, выбрана мною не случайно. Она находится между Месопотамией и самой Парфией.

Удар в сторону Мидии будет фланговым ударом, он позволит разорвать армию Митридата на две части, оторвав кавалерию и тяжелую осадную технику от основной массы пехоты: лучников и копейщиков.

Затем первым эшелонам пустить против парфянской пехоты греческую кавалерию, а против кавалерии парфян выставить тяжелую пехоту с квадратными металлическими щитами и удлиненными копьями. Пехоту прикрыть опытными метателями дротиков и лучниками с зажженными и дымящими стрелами.

Силонос был уверен, что столь неожиданная стратегия боя дезориентирует противника, создаст панику в рядах и тем самым обеспечит победу имперской армии без больших потерь.

Сам Силонос, выразил желание стать со своим гарнизоном во главе первой атакующей фаланги.

Завершив доклад, он ждал вопросов или соответствующих суждений о столь важном для него деле. Однако в ответ последовало всё то же безмолвие Наместника. Он поднял золотой колокольчик и повелел немедленно созвать Расширенный состав военного совета Империи.

— Повтори твой план! — бросил он Силоносу

Несколько обескураженный Силонос повторил все, что ранее изложил Лисию. Его так же внимательно выслушали и высшие чины армии. И вновь никакой реакции не последовало.

На одном из этапов доклада, Силонос неожиданно почувствовал, что его красноречие тратится впустую, что, тщательно разработанный план абсолютно никого не интересует. Что решение уже давно принято и его внимательно слушают, точнее, внимательно *не слушают*. И важные чины присутствуют в зале лишь потому, что здесь находится фактический властитель империи.

Силонос ощутил глубокую пропасть, лежащую между ним и всей этой массой стратегов и генералов, сверкающих золотыми доспехами и излучающих аромат дорогих благовоний.

Возникшее тяжелое ощущение, не остановило Силоноса, вплоть до повторного завершения доклада.

И вновь наступила пустая тишина.

Первым поднялся Лисий.

— Все слышали? — спросил он у заискивающе улыбавшихся придворных. План *генерала* Силоноса великолепен, достоин славы его великого предка Гефестиона, командовавшего кавалерией самого Александра Македонского.

Однако сегодня есть дела более важные.

Лисий видел непосредственную опасность не со стороны Парфии, поклонявшейся греческим богам Гераклу и Гелиосу, хотя и именовали последнего по-своему — Митрой, но со стороны Иудеи.

— Эти варвары, осмелившиеся восстать против нашей несокрушимой империи, — мрачно сказал Лисий, — должны быть уничтожены! Это важно также и в назидание другим! — Лисий взглянул в сторону Силоноса. — Такова воля императора Антиоха Эпифана!

Силонос, как и все присутствующие, выслушал этот приказ молча. Ни один мускул не дрогнул на его лице, и лишь зрачки глаз расширились как у слепого.

Я приступил к подготовке армии для похода на Иудею, — уже спокойнее продолжал Лисий. — Командование тылом и соблюдение порядка в стране, я возлагаю на генерала Силоноса, — Лисий сделал многозначительную паузу, — император Антиох IV одобрил мое решение. Он также повелел начать подготовку новой большой армии, для возобновления наступления на Египет.

Затем обратился к вновь назначенному генералу и с явной долей фамильярности сказал:

— Твоя армия будет задействована сразу же после полного и безоговорочного подчинения иудейской гипархии, или того, что от неё останется.

Последнее он произнес с такой уверенностью и злобой, что ни у кого из присутствовавших не возникло и доли сомнения — Лисий выполнит свою угрозу.

И все же Силонос никак не мог безоговорочно принять всё сказанное Лисием, хотя и осознавал, что играет с огнем. С чувством глубокой уверенности в своей правоте он повторил, что спасение Империи не в походе на Иудею. Здесь, в Месопотамии, под нашими ногами горит земля!

Это была непоправимая ошибка честного, стратегически мыслящего офицера. Ошибка, послужившая причиной крутого поворота в жизни нашего героя.

Лисий, услышав столь некорректное замечание Силоноса после всего сказанного, криво улыбнулся, произнес.

— Ты слишком долго служил в Иудее, и как мне стало известно, побратался с некоторыми иудеями, и поэтому не видишь их безоглядного фанатизма, враждебного нашему, эллин-

скому, образу жизни. К тому же, — сделал ударение Лисий, — 20 тысяч талантов золотом, которые Иудея перестала вносить в Имперскую казну, затрудняет нам формирование новой победоносной армии.

— Повторяю, — с нескрываемым раздражением сказал Лисий, — твой план грамотно скроен, логичен. И это доказывает твои военные способности. Однако этот план *преждевременен*. Ты ставишь колесницу впереди лошадей.

В зале раздался оглушительный хохот. Над Силоносом явно издевались. Поднятием руки Лисий оборвал смех, сказал: — вначале мы полностью подчиним или уничтожим Иудею!

Теперь Лисий говорил властно, однозначно, приказывал.

— Согласно решению нашего великого Императора эту миссию выполняю я.

Я поведу нашу победоносную армию и отомщу за смерть храброго Аполлония, мужественного Серона, а также за Птолемея — сына нашего верного слуги Доримена из Келесирии, которых убили иудеи. Моя месть будет беспощадной! Они заплатят за все!

Со мной отправится вся армия, находящаяся на территории от Селевкии до Антиохии. Тебя же, Силонос, я назначаю командующим армии, которую тебе же предстоит сформировать.

Районом формирования новой армии, — все так же резко продолжал Лисий, — будет Александрия Месопотамская.

В столицах Антиохии и Селевкии остаются сильные гарнизоны. Эти районы подчинены самому Императору, и чтобы в моё отсутствие никому не пришло в голову распространить свое влияние на эти города!

Я надеюсь, все присутствующие меня поняли! — и он пристальным взглядом окинул притихший зал.

Однако, видя недоумение и замешательство вновь назначенного командующего несуществующей армии, — Лисий несколько смягченно добавил, — сам Император, зная твою, генерал Силонос, прямоту, честность и храбрость, возлагает на тебя большие надежды. Я же полностью тебе доверяю.

Казна наша пуста, — двусмысленно улыбаясь, продолжал Лисий, — надейся на меня. Я направлю тебе достаточно денег для выполнения твоей миссии. Из тех, что припрятаны в иудейском Храме.

Замолк, неожиданно поднял указательный палец и погрозил Силоносу, — так что, генерал, торопись, у тебя будет мало времени для выполнения твоей миссии. Новая армия очень скоро понадобится!

— Воля императора будет исполнена! — коротко ответил все еще ошеломленный Силонос.

— Уверен в этом! — поощрительно закончил аудиенцию Лисий, — прищурил глаза, вновь сделал многозначительную паузу и добавил, — ты, Силонос, проявил себя как способный армейский руководитель. Быстро укрепил расползающийся гарнизон форпоста в Дура-Европосе, доукомплектовал его и хорошо обучил военным действиям.

Все это было учтено при твоём назначении. Однако же... — Лисий впервые замялся, — Император счел нужным, чтобы развернутая тобой новая армия не выходила на пределы Александрии Месопотамской, этого стратегически важного приморского района на юго-западе империи.

К тому же, — продолжал он, — я возлагаю на тебя обязанности флотоводца этого имперского форпоста. — Последнее он произнес с фальшивым удовольствием, так как хорошо знал, что флота попросту нет. Не считать же флотом несколько устаревших трирем.

Так что миссия Силоноса фактически была невыполнимой. Все это обеспечивало Лисию душевное спокойствие. Он понимал, что на данном этапе со стороны Силоноса ему не угрожала сколько-нибудь серьезная конкуренция. Руки его были свободны.

Когда же он добьется полного повиновения взбунтовавшейся Иудеи, он возвратится в Антиохию. И он уже решил, что должен делать далее: император долго не протянет. Власть сама придет ему, Лисию, в руки. Получив же власть, он найдет средства, чтобы заставить этого талантливого офицера и стратега, служить ему, Лисию, верой и правдой.

— К тому же флот нам понадобится, — продолжал вслух Лисий, — для быстрой переброски твоей будущей армии в Египет, не говоря уже о важности господства на морях.

— Я завершу дело нынешнего Императора Антиоха Эпифана и объединю Египет с Селевкийей. Я вновь создам мировую эллинскую империю, какой она была при великом Александре Македонском!

И Силонос понял, что это, была навязчивая, неотвратимая всежигающая идея Лисия. И эта идея руководила всеми его действиями и поступками.

"Император никогда серьезно не относился к флоту, — рассуждал Силонос. — Значит, Лисий явно готовится занять его место" И, будучи далеким, от придворных интриг, Силонос искренне обрадовался, что он будет вне пределов столицы.

— За дело! Командующий, комендант Александрии и флотоводец, Силонос, — перечислил новые назначения Лисий. Изобразил на лице приветливую улыбку и торопливо вышел.

Дождавшись окончания церемоний, связанных с его новым назначением, Силонос тут же выехал в Дура-Европос.

Предстояло завершить все дела, подготовить и перевести гарнизон в Александрию Месопотамскую, как самостоятельное воинское формирование.

Именно это формирование Силонос был намерен превратить в ядро будущей армии.

Глава 6

Дура-Европос. Парфяне и иудеи

И вновь Силонос оказался на хорошо знакомой дороге, ведущей к Дура-Европосу.

Большой отряд конников двигался на юго-восток три долгих дня и ночи. Силоноса тревожила обстановка в районе крепости. Он ожидал засады парфян, но, к счастью, они добрались до стен Дура-Европоса благополучно. Сюрприз ожидал его в самой крепости.

Филон, оставшийся командовать гарнизоном, был удивлен, увидев на Силоносе доспехи командующего армией, но тут же озабоченно сообщил о большой военной части парфян, засевшей в ущелье Ара.

— Я выставил против них отряды лучников и копейщиков, однако парфяне, заняв оборонительные позиции, не проявляют никакой активности. Я тоже не начал боевых действий, ожидая твоего возвращения. Они там приросли к камням что ли? — добавил он с некоторой тревогой.

Выслушав доклад Филона, Силонос тут же направился с отрядом к ущелью Ара. Уже издали он увидел три ряда сомкнутых щитов, образовавших плотную стену. Вдоль всей стены были видны десятки поднятых кверху, наконечников копий.

— Парфяне выжидали, — решил Силонос, — иначе копьа были бы направлены в мою сторону.

За стеною щитов развивался зеленый флаг с изображением Геракла с мечом в руке, что свидетельствовало о присутствии в отряде представителя царской семьи.

Силонос подал знак, и его конный отряд остановился. В это самое время навстречу Силоносу из-за расступившейся стены щитов выехала небольшая группа вражеских конников. Они остановились в полустадии от Силоноса.

Один из конников, сверкая медными латами доспехов, направился к Силоносу. Низко склонил голову, как это было принято перед командующим армией.

Силонос внимательно смотрел на родовитого парфянина. Он был убежден, что уже встречался с этим человеком, но никак не мог вспомнить, когда и где.

— Досточтимый командующий! — многозначительно вымолвил гость. — Я послан к тебе его величеством царем Парфии Митридатом I, чтобы ты возвратил нам захваченных в плен парфянских воинов. — Он сделал длительную паузу и произнес: — К вам попали не рядовые воины, и царь шлет тебе знаки своего уважения.

Он поднял руку, и тотчас из-за стены щитов выехала колесница, запряженная тройкой породистых лошадей. На колеснице, рядом с коневодом находился кожаный мешок с завернутыми вниз краями. Мешок был доверху наполнен золотыми дарейками. Рядом с мешком лежал массивный золотой щит и богато украшенный меч.

Несколько удивленный Силонос посмотрел на Филона. Подобного развития событий никто не ожидал. И тогда Филон объяснил, что он уже сообщил парфянам о гибели их солдат.

— Я даже рассказал, — простодушно заметил начальник лучников Филон, — что парфянанализали на обычные деревянные колья *иудеи*. Парфянин не поверил, потребовал встречи с тобой. Вот и ждут четвертый восход солнца, — завершил свой доклад Филон.

Силонос принял «знаки уважения», присланные Митридатом. С интересом оценил количество неожиданно поступивших денег, столь необходимых для формирования армии. Пригласил делегацию в крепость.

Филон достойно подготовился. В крепости царил образцовый порядок. Гарнизон был выстроен для встречи своего начальника и, как оказалось, командующего армией. Начищенные

шлемы конников сверкали, в них отражались лучи поднимавшегося солнца. На крепостных стенах замерли лучники и боевые расчеты у катапульта.

— Я должен сообщить его величеству Митридату печальную весть, — со скорбью в голосе произнес Силонос. — Его храбрые воины пали в бою. В знак уважения к царю, верному подданному Императора Антиоха IV Эпифана, я возвращаю доспехи павших воинов.

Силонос кивнул Филону. И тот, приняв колесницу с подарками Митрадата, умчался к арсеналу крепости.

Вскоре он возвратился. Колесница была заполнена доспехами погибших. Именитый парфянский гость бегло взглянул на доспехи, и его как сдуло с лошади. Он поднял над головой пробитый дротиком Эльзара боевой плащ командира парфянского отряда.

Когда-то сверкавшие на плаще, медные пластины потускнели от грязи и запекшейся крови. И только теперь Силонос увидел, что боевой плащ и доспехи стоящего перед ним парфянина, были похожи на доспехи погибшего. Как и тот, парфянин был рослый, могучего телосложения человек, свиреп и удивительно похож лицом на погибшего.

— О горе мне! — Неожиданно раздался громовой возглас парфянина, прикившего лицом к окровавленным доспехам. — Прости меня, мой единоутробный брат! — и тотчас же стенания пронесли над всем парфянским отрядом, — г-о-о-о-р-е-е нам!

— Главнокомандующий! — обратился парфянин к Силоносу. — Кто его убил?! Выдай его мне, и ты получишь взамен два, нет, три мешка с золотом! Убийца царского сына должен быть убит царским сыном! — и он вырвал из ножен кривой тяжелый меч.

— Где он?!

— Его нет, — спокойно ответил Силонос, — он отслужил договорный период и отбыл домой, в Иудею. Этот воин сражался честно лицом к лицу. Твой брат не был убит. Он погиб в тяжелой схватке, как настоящий воин.

— Опять иудей! — взорвался гость. — Да обрушатся на него все проклятия безлунной ночи! Да будет он и весь его род испепелен огнем солнца, а пепел рассеян по пустыне!..

- +Мы еще вернемся! — угрожающе закончил он и, легко вскочив на колесницу, заполненную боевыми доспехами погибших парфян, помчался к вновь расступившейся стене щитов.

Вскоре парфянское войско с проклятиями и плачем, поднимая тучи пыли, исчезло среди холмов, примыкавших к ущелью Ара.

Силонос долгим взглядом проводил удалявшихся парфян. Он знал, что их угрозы были реальны.

Селевкидская империя шла к упадку. И в этом, как ни странно, убедил его сам Лисий, отвергнувший разработанный Силоносом план разгрома Митрадата. Последний шанс отстоять будущее был упущен. Звезда Парфии неудержимо поднималась к зениту.

Учитывая все это, и стремясь избежать столкновения с более мощным отрядом противника, Силонос решил вывести гарнизон в Александрию в самое короткое время.

Он мысленно прикидывал, кого из офицеров он может назначить начальниками сотен и тысяч. Командовать гарнизоном, превращенным им в армейскую фалангу, он поручит Филону. Тот был вполне к этому готов.

Вновь назначенный командир фаланги не стал медлить. Он рьяно принялся за дело. В нем проснулся незаурядный талант организатора. Исчезла медлительность и скрытая неуверенность. Он действовал быстро и энергично.

Силонос с удовольствием отметил, что Филон, собрав вновь назначенных начальников сотен, не только дал указание, как и когда подготовиться к перебазированию, но тут же, на случай неожиданной вылазки парфян, отправил в засаду две сотни лучников и тяжелых копеечников, вооруженных длинными копьями и квадратными щитами.

— Пожалуй, я принял бы такое же решение, — одобрил он действия Филона.

Затем новый командир фаланги приступил к подготовке тяжелого оборудования к перевозке и, в первую очередь, катапульт.

Для ускорения движения по нелегким дорогам Месопотамии предстояло разобрать на части громоздкие орудия и сразу погрузить их на лошадей, мулов и имевшиеся двуколки. Однако вся эта работа должна была быть осуществлена так, чтобы, в случае надобности, можно было бы тут же привести катапульты в боевое состояние.

Но как всё это осуществить без военных инженеров? — растерялся Филон. Он не был специалистом в инженерной сфере. В крепости когда-то было несколько инженеров, их отозвали в Антиохию. Возникавшие инженерные проблемы решал Силонос. Ему позволяли инженерные знания, приобретенные в Афинской военной Академии.

— Не просить же и сейчас помощи у командующего армией, — обескуражено думал Филон. Его практичный ум лихорадочно искал выход из создавшейся ситуации.

Он припоминал все фортификационные работы, проводившиеся в крепости, а также тех, кто ими руководил. При этом в его памяти вырисовалась созданная иудеями остроумная ловушка, в которую попали парфянские лазутчики.

Установленные на крыше синагоги колья из прочного оливкового дерева были размещены и скреплены каким-то необычным способом. То было правильное *инженерное* решение.

И, уцепившись за эту спасительную мысль, он тут же вызвал к себе старейшину иудейской общины.

Пришел рав Нафтали. Филон без обиняков объяснил ему суть возникшей проблемы. Нафтали молчал. На его лице не было ни удивления, ни протеста, хотя просьба Филона была явно из иной сферы, нежели та в которой Нафтали был занят с утра и до вечера. Но раз его попросили, значит, кому-то нужна его помощь. И он решил обратиться к тем разделам Книги Книг, где говорилось о военном деле.

Нафтали знал, что там он не найдет прямого ответа как лучше разобрать и собрать тяжелые орудия, но там было многое другое, очень важное для необходимого ответа на просьбу греческого офицера.

Нафтали попросил показать катапульты и средства их перевозки, которыми располагал греческий начальник. Внимательно осмотрел, ощупал. Что-то подобное он уж видел в своей далекой молодости. Затем посмотрел на Филона и также спокойно сказал.

— Мы вам поможем. — И ушел.

Филон колебался. Не сбежал ли старик? Что-то уж очень быстро он согласился помочь, даже не оговорил сумму, положенную за эту помощь. Однако когда солнце начало подниматься к зениту, рав Нафтали возвратился. Филон, забыв о солидности и своей новой должности, радостно бросился ему навстречу. Старик привёл с собой караван тяжело нагруженных мулов и ослов.

Вместе с Нафтали прибыло человек пятнадцать юношей. Они быстро разгрузили животных, сложив в одном месте гору хорошо выделанных шкур и несколько охапок кожаных ремней. Каждый ремень был шириной в три дактиля.

" Из таких раменей были сделаны кресла, когда-то подаренные офицерам", — вспомнил Филон. Меж тем иудеи вместе с солдатами, обслуживавшими катапульты, принялись разбирать грозные орудия.

Сняв с опорных рам колеса, они отделили метательные рычаги и толстые холщовые ковши. Затем разобрали опорные рамы и принялись погружать их на спины верблюдов, лошадей и ослов, находившихся во множестве в конюшнях гарнизона.

В то же время наиболее тяжелые элементы катапульт погрузили на спаренные двуколки колесниц. Все это было завернуто в шкуры и надежно перевязано ремнями. Такая упаковка не натирала спин животных и способствовала дальнейшему переходу. Эта часть работ была завершена

далеко за полночь при свете больших смоляных факелов. Еще день, другой и можно двигаться в путь.

Филон был доволен. Старый мудрый иудей не подвел.

"Но чем он, Филон, сможет ему заплатить? Казна крепости пуста. Офицеры и те уже тридцать восходов солнца не получали положенных им денег". Эта мысль, непрерывно сверлившая мозг Филона, не давала ему покоя. Необходимо что-то срочно предпринять, и Филон решил устроить прощальный пир.

Он велел забить десять коров и с радостью сообщил, что уважаемый рав Нафтали и все его люди приглашены на этот пир. Однако, вместо благодарности он увидел на лице старика смущенную улыбку, за которой последовал отрицательный ответ. Нафтали сказал, что его люди не смогут участвовать в этом пире.

— Нам не разрешено есть мясо животных, забитых не по законам кашрута. — неожиданно твердо произнес Нафтали.

— Что?!.. — не понял Филон.

— Если животные забиты не так, как того требует иудейская вера и сложившиеся традиции, — раздался голос подошедшего Силоноса, — они не будут есть этого мяса.

Солдаты встали, тепло приветствуя командующего армией.

Через два захода солнца гарнизон крепости был готов к дальнейшему переходу. И только теперь Филон, со свойственной ему непосредственностью, рассказал Силоносу о неоплаченном денежном долге.

Ничего не ответив, Силонос в сопровождении верного коневода Никоса направился к иудейскому кварталу. Однако, не доехав примерно полтора-два стадия, спешился, бросил Никосу поводья и велел ждать.

Он неторопливо шел по знакомым улочкам иудейского квартала. Обычно полные торопившихся и озабоченных людей, сегодня они были пусты. Жизнь затаилась в темных, вырубленных в скалах жилищах, за глинобитными стенами убогих домишек, и лишь из распахнутых дверей синагоги доносилось протяжное пение. Иудеи обращались за помощью к своему невидимому Властелину.

Силонос остановился и замер. За напряженной деятельностью последних недель, начиная от разработки стратегического плана разгрома Митридата, царя Парфии, и до последовавших за этим судьбоносных для него событий, он забыл об этих людях, искренне служивших ему и брошенных им в столь тревожное время.

Они не были эллинами, у них была своя вера, своя культура, с которой он успел близко познакомиться. Эти люди всегда относились к нему с должным уважением. В глубине души, и он не боялся в этом себе признаться, они не были ему безразличны. К их племени относился Эльазар, ставший его другом, а затем и Шифра...

Нет они не были "наихудшими из варваров" как ему пытался внушить Апеллес и многие другие из придворных царя Антиоха. Они были равны эллинам, они были близки его сердцу.

Очнувшись от этих мыслей, он вдруг со всей отчетливостью осознал, что с уходом его воинов, над иудейской общиной Дура-Европоса нависает смертельная угроза. Парфяне были беспощадны, и свои обещания они выполнят. Однако он, облаченный высшей властью, этого не допустит.

Силонос зашел в синагогу. Его никто не остановил. Он быстрым взглядом окинул помещение и самозабвенно молящихся людей. В помещении ничего не изменилось с тех пор, как он с Эльазаром впервые здесь побывали.

Невысокое здание, сложенное из хорошо подогнанных камней, было тщательно оштукатурено изнутри. Под потолком и параллельно полу пролегли широкие полосы цветного орнамента, сотканного из часто повторявшихся геометрических фигур.

По углам здания, от потолка до пола, опускались ленты искусно нарисованных виноградных лоз. И лишь на одной стене, расположенной напротив арон-акодеш, выделялась фреска с изображением большой группы израильских воинов в боевых греческих доспехах. Они защищали Иерусалим от наступающих персов.

"За одну только эту фреску парфяне разрушат до основания здание синагоги, — невольно подумал Силонос, — не говоря уже о поимке отряда лазутчиков, при помощи западни, созданной иудеями и передачи пленных ему, Силоносу."

Время истекало, и он принял решение.

В этот самый миг Нафтали завершил субботнюю молитву и, увидев Силоноса, тот час же направился к нему. Он приветливо улыбался, но то была улыбка обреченного.

К ним подошли еще несколько человек, все они были закутаны в большие молитвенные покрывала — таллиты. На их лицах отражалась безысходность, тревога, печаль.

По рассказам Эльзара Силонос знал, что в синагоге или, как её называли иудеи, в Доме Собраний не только молились, проводили традиционные церемонии и празднества, предписанные Торой, но и вели деловые разговоры, заключали сделки.

Используя эти знания, Силонос сообщил, что принес деньги за ремни и воловьшктуры, а также за выполненную работу.

Ответом было молчание. Затем вперед вышел Нафтали и тихо, но отчетливо произнес: — Денег мы не возьмем. И не только потому, что сегодня святой день — суббота и нам не положено пачкать руки деньгами. Это была наша последняя услуга, которую община могла оказать вам лично, другу иудеев, а так же уходящим защитникам. И прошу вас, Командующий армией, принять эту услугу как знак признательности за спокойствие, подаренное общине в течение всех лет вашего здесь пребывания.

Силонос молчал, но почувствовал, что к горлу подкатывает ком, как давным-давно, в его далёкой юности, когда он узнал о гибели отца, самого дорогого ему человека. Как и тогда, он насутился и с трудом проглотил этот ком.

Нищие дарили ему самое дорогое, что у них оставалось — свою жизнь.

— Нет, — твердо сказал он, — я не могу принять эту жертву.

И увидел на лицах молящихся растерянность и недоумение.

Они не понимали, что хотел от них эллин. Почему он заставлял их принять деньги и именно сегодня, в их священный день?

Может быть, для очистки своей совести? Ведь они понимали, что с уходом греков, они обречены. Многие возвели к небу руки и в отчаянии вновь принялись молиться. Готовились к наихудшему. И лишь рав Нафтали вопросительно смотрел на сверкающего дорогими доспехами эллина.

— Община показала себя не только лояльной власти, — чуть торопясь, произнес Силонос, — она проявила себя и как наш верный союзник. Бросать же союзников на произвол врага не в моих правилах! — последнее он сказал громким голосом, чтобы слышали все.

— Если уважаемые старейшины не возражают, я — гипарх Александрии Месопотамской, и командующий армией его величества царя Антиоха IV, прошу всю общину покинуть Дура-Европос и вместе с моими войсками перебазироваться в Александрию. Всё, что можно будет сделать для облегчения вашей жизни на новом месте — я сделаю.

Напряженная тишина, стоявшая в Доме Собраний, длилась еще несколько мгновений, затем начались переглядывания, реплики, вопросы, и вскоре поднялся такой шум, что ничего невозможно было понять, кто и что говорит. Все спорили со всеми.

"Как можно? Вот так, сразу, подняться и уехать с давно насиженных мест? Оставить дома, хотя и не роскошные, но все же крыша над головой. А мастерские по выработке шкур, по изготовлению ремней и мебели? Конечно, эти мастерские небольшие, даже крохотные, но всё же они кормили их многодетные семьи."

Разом всё это бросить и отправиться в неизвестность?!

Силонос слушал и понимал, что обрушившаяся на этих людей беда велика, он сочувствовал им, но знал и то, что все эти споры не меняют положения. Мучения и смерть повисли над ними. Время истекло.

И еще один человек, находившийся среди этой растерянной и отчаявшейся толпы, понимал это. Он видел многое, что было скрыто от взгляда простых людей. Этим человеком был рав Нафтали.

Услышав сказанное Силоносом, он с облегчением вздохнул. Он не ошибся в этом честнейшем из эллинов. Был уверен, что этот язычник послан Всевышним во имя спасения его общины.

Он подошел к арон-акодеш, отодвинул занавеску. Молящиеся увидели священное писание. Наступила тишина, и люди слышали из уст их наставника молитву благодарности за поданную руку спасения.

Рав Нафтали знал, что войска готовы к выступлению. Он тут же вызвал двух наиболее крепких юношей из рода коэнов, и вручил им самое дорогое, что было в Доме Собраний — священные свитки Торы.

На рассвете, походная колонна гарнизона Дура-Европоса и отряды войск, прилегавших укрепленных районов, выступили на северо-запад, в направлении города Алеппо и далее, через Сирийские Ворота к Александрии Месопотамской.

Сразу же за большим армейским обозом растянулось на добрых десять стадиев странное шествие людей, одежда которых не имела ничего общего с экипировкой двигавшейся армии.

Жители встречавшихся по дороге городов и поселений, недоумевали. Если это были рабы или пленные, то почему большинство из них ехало на ослах, мулах и даже лошадях? Дети и женщины нередко сидели на четырехколесных арбах, доверху груженных разнообразным домашним скарбом.

К тому же на привалах их никто не продавал и, даже наоборот, солдаты надежно охраняли этих странных людей от нечистых на руку охотников, желавших поживиться военной добычей...

Глава 7

Схватка с Арсаком

Спустя три полных луны после перебазирования гарнизона из Дура-Европоса в Александрию Месопотамскую Силонос получил тревожное сообщение. Оно не было для него неожиданным.

Как и полагал Силонос, сын Митридата принц Арсак, возглавив большое войско, возвратился к стенам Дура-Европоса. Увидев брошенную крепость, он пришел в ярость. Тут же повелел сравнять с землей стены и все постройки, находившиеся на территории форпоста. Иудейский же квартал придать огню и засыпать песком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.